



СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

СИБИРСКИЙ ФОРУМ

2010 | ноябрь
интеллектуальный
диалог



ПУТЬ ОТКРЫТ: ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ПРАКТИКИ СТАНОВЛЕНИЯ ● стр. 2-16

В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗРЕЗЕ

Александр Павлов: ● стр. 3

«Не секрет, что Россия — государственная страна. Мы — не индивидуалисты. И государство для нас — не просто аппарат управления, а некое огромное политическое и мистическое тело, которое является частью нас самих. Мы — государственники в своей основе. Это наша и беда, и преимущество».

ВОСПИТАНИЕ МАЛЕНЬКИХ ГРАЖДАН

Елена Фомина: ● стр. 5

«Одной из задач учителя как гражданина является как раз необходимость возвращать в учениках сознание того, что всегда есть возможность выбора. Когда альтернативы нет, нельзя и взглянуть на ситуацию с различных точек зрения».

ЭТИКУ НЕ ОТМЕНЯЛИ

Игорь Астапов: ● стр. 7

«Негативную информацию, происшествия, ужасики с точки зрения исполнительского мастерства делать намного проще. Найти радостный пример и без слащавости об этом рассказать — сложнее, надо иметь талант».

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА

Людмила Витковская: ● стр. 10

«Понятно, что российский бизнес имеет сравнительно недолгую историю, и ожидать от него точно таких же моделей поведения, которые распространены на Западе, нельзя... Но ситуация меняется».

«По своей природе средства массовой информации не могут быть связаны с властью. Пресса вообще — инструмент общества. Чем меньше политическое общество, то есть государство, и больше гражданское — тем лучше. И инструменты здесь известные: выборы, плюрализм, партии, общественные организации, гражданские инициативы... И не в последнюю очередь — свободная пресса».

СМИшники Красноярска о СМИ

● стр. 6, 9



Из населения в граждане

Алексей БАБИЙ, председатель красноярского историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал»

Ростки надо поливать

Не думаю, что у нас есть сейчас гражданское общество. Прежде всего потому, что ни у власти, ни у граждан нет понимания государства как сервисной функции. Как в риторике представителей власти, так и в мировоззрении обывателя, общество и государство — это какие-то отдельные сущности, причём государство «сверху», а общество «снизу». Поэтому гражданская активность проявляется, как правило, в двух видах: либо у государства чего-то просят (много раз видел, как обсуждение достаточно местных проблем заканчивалось написанием писем президенту РФ), либо с ним воюют (а на войне как на войне, с обеих сторон). В моём понимании гражданское общество есть тогда, когда оно разговаривает с государством на равных. До этого ещё очень далеко.

Хотя ростки гражданского общества появляются. Как ни странно, это не столько общественные организации (хотя многие из них работают очень успешно),

Давим на газ, но тяжёлая отечественная машина только пробуксовывает и вязнет ещё глубже. Подсовываем подручные средства, но они ломаются, как спички, не выдержав этой машины. Шофёр вспотел, бегая вокруг. Надо вызывать буксир, но кто потянет?.. А пассажиры между тем, тихо «заводятся», но заняты своими делами. Все, кому не терпелось, уже сошли. Остальные — кто вяжет, кто читает книжку, кто рубится в карты или разложил полотенце и подкрепляется помидорчиком с собственного огорода. Можем, вышли бы все да — «Эх, ухнем!» — на руках выкатили своё авто. Но — не спешат.

Вот так, похоже, и наша страна газует на месте, не в силах выбраться из образовавшейся ямы. Реформы ничего не меняют, модернизация гложет. Шофёр, правда, пока предельно вежливо взывает к сознательности пассажиров... Но мысль уже высказана: где же вы, граждане? Когда население станет здоровым обществом? И начнёт жить по правилам общежития; не такого, где стёкла powyбиты, а из-под дверей тянет табачным дымом, перегаром и трёхэтажной лексикой. Хочется, так сказать, общежития нового типа.

Сегодня мы говорим о гражданском обществе и гражданском сознании, в недостаточной развитости которых многие видят корни российской неустроенности. Но только ли в человеке причина этой неразвитости (опять нам народ не тот попался)? Что именно мы понимаем под гражданским обществом? Когда оно заявит о себе? Обсуждаем, размышляем, делаем выводы.

Валерий ВАСИЛЬЕВ, председатель совета Гражданской ассамблеи Красноярского края

Говорить власти правду — если не каждый день, то хотя бы регулярно

Хотел бы избежать категоричных оценок в ответе на вопрос, есть ли у нас в России гражданское общество. На мой взгляд, оно присуще любому государственному образованию, где наряду с институтами государственными присутствуют и общественные институты (реальные или декларативные). Гражданское общество было и в Советском Союзе, и в царской России. Что такое, например, община, земство, суд присяжных? Это институты гражданского общества времён Российской империи, хотя тогда они понимались иначе. В советскую эпоху мы имели женсоветы, советы ветеранов, товарищеские суды, добровольные народные дружины и так далее.

Вопрос в том, насколько эти институты отражают интересы граждан и не являются ангажированными властью. Предполагается, что институты гражданского общества — это независимые объединения граждан, которые имеют возможность высказывать свою точку зрения и реально влиять на принятие решений. Более того, они должны выступать в качестве оппонентов существующей власти. И если в советское время такой возможности у общественных объединений фактически не было, так как они полностью контролировались государством, в новой России ситуация понемногу меняется.

Гражданская ассамблея Красноярского края — это пример развития гражданского общества в нашей стране. Кстати, она объединяет на краевом уровне более 200 общественных организаций и не имеет аналогов в России. Мы ставим перед властью серьёзные вопросы, связанные с проблемами образования, модернизацией, участием общественности в формировании региональной политики.

Недавно правительством края был принят подготовленный ассамблеей документ, который предполагает создание общественных советов при ведомствах. Советы, в которые войдут как эксперты, так и обычные граждане, будут участвовать не только в развитии социально-экономической политики региона, но также помогут повысить качество работы самого ведомства или отрасли. На федеральном уровне такие институты уже давно получили развитие (Общественные советы при министерствах). Следующий этап — краевой уровень. Сейчас мы работаем над развитием местных общественных палат в муниципальных районах и городских округах.

Почему мы видим такой интерес в построении гражданского общества со стороны власти? Когда общественность не консолидирована, возникают проблемы в управлении. Гораздо эффективней конструктивно работать на переговорной площадке, объединяющей разные организации, чем с 50-ю разрозненными субъектами. Сегодня в Красноярском крае существует более десяти общественных палат, например, в Норильске, Канске, Емельяновском районе. Власть понимает, что общественность является очень важным ресурсом в разработке стратегии развития района и реализации этих идей, в вопросах имиджа. Не случайно сегодня мы слышим очень пафосное, но справедливое выражение: «Сильная Россия — это сильное государство и сильное гражданское общество».

Андрей БАРДИН, органист

Что такое хорошо

Есть ли у нас гражданское общество? На мой взгляд, скорее нет, чем да. Что мешает его становлению? Мне кажется, падение общественной морали. К несчастью, мы изрядно подзабыли, что такое хорошо и что такое плохо, нравственные ориентиры в нашем сознании зачастую поставлены с ног на голову. Нам кажется, что этические законы выдуманы мудрецами для того, чтобы отнять у нас радость жизни, а между тем предназначение морали — не дать нации умереть.

Мы полагаем, что гражданское общество существует где-то за рубежом, но не отдаём себе отчёта в том, что «там, где нас нет», у людей хватало решимости отстаивать свои гражданские права. Когда Иоанн Павел Второй вступил на римскую кафедру, он произнёс знаменательную фразу: «Не бойтесь!». Этих слов хватило для того, чтобы распался социалистический лагерь, а затем и Советский Союз. Невозможно переоценить силу евангельских истин. Без них наша нация будет обречена на вырождение, а государство — на исчезновение с мировой арены.

Виталий ЛЕЙБИН, главный редактор журнала «Русский репортёр» специально для СФ

Объект исследования ускользает

Сам вопрос о существовании гражданского общества в России говорит о некотором беспокойстве. Не нужно беспокоиться. Если смотреть на любую страну издали, то кажется — там полно гражданского общества, а если близко — сразу увидятся не самоорганизация граждан, а организации с поддержкой государств и корпораций, а всё, что не поддержано — очень слабо и маломощно.

В современных теориях гражданского общества не только у нас, но и в мире, много путаницы и сомнений, объект исследования всё время ускользает. Профессор Йельского университета Борис Капустин в одной из своих работ сравнил гражданское общество с улыбкой Чеширского кота — вещь приятная во всех отношениях, но столь же неуловимая. В США на протяжении всего послевоенного периода время от времени политики поднимают панику о деградации гражданского общества и требуют от сената их поддержки. А с другой стороны, если нужно государству поддерживать, то какое же это гражданское общество?

Для практических целей полезно оставить философскую полемику философам, перестать заниматься самобичеванием, сравнивая себя с развитыми странами, а обратить лицо к непосредственным социальным фактам, инициативам и проблемам. Очевидно, что денежные объёмы благотворительности всех форм, объёмы волонтерской (неоплаченной) занятости в нашей стране на порядки меньше, чем в странах Запада. Однако следует иметь в виду, что благотворительность там на корпоративном и государственном уровне организационно обеспечена, поддержана высокими

доходами населения и прибылями корпораций. Волонтерство развивается в условиях «комфортной безработицы» и обеспеченности населения, как в случае бесплатной занятости студентов в социальной работе и на альтернативной военной службе в Германии. У нас же волонтерство чаще сравнимо с героизмом и требует реальных тяжёлых усилий. Тем интереснее за этим наблюдать. Например, действия волонтеров во время летних пожаров — это чистое гражданское общество, без примеси корпоративности или госучастия. Многие важные социальные инициативы рождаются именно так, без создания организаций, официальной бухгалтерии и фандрайзинга. Например, летние школы, такие как ЛЭШ или «Исследователь». Некоторые инициативы потом перерастают в продвинутые организационные формы и становятся собственно некоммерческим сектором. Так, «Комитет против пыток», родившийся в Нижнем из чистой инициативности, сейчас уже настоящая и влиятельная организация. Ровно как в советское время «Мемориал» и Московская Хельсинская группа были волонтерскими организациями в СССР, сейчас — большие некоммерческие организации, имеющие стабильные грантовые доходы. Я думаю, что собственно НКО не могут быть независимыми от государственных или корпоративных денег, и нечего тут стесняться, наоборот, надо стимулировать наше государство и корпорации на решение социальных проблем через НКО (Евросоюз две трети своих фондов помощи распределяет через такие организации).

Фёдор СИДОРЕНКО, депутат Законодательного Собрания Красноярского края

Свобода — это самое главное определение гражданского общества

Для меня гражданское общество — это общество, в котором ты чувствуешь себя свободным человеком. Свобода — это самое главное определение гражданского общества. Поэтому сейчас мы должны говорить не о том, что у нас что-то есть или чего-то нет, а о том, чувствуешь ли ты себя свободным в России. Те, кто ответят на этот вопрос положительно, наверняка, уверены, что живут в гражданском обществе.

Некорректно рассматривать этот вопрос в преломлении какого-то «народа» или любого скопления людей. Если мы поинтересуемся у обычных прохожих, нужно ли им гражданское общество, я уверен, что большая их часть спросит, что это такое и зачем это надо. Главное, чтобы зарплату вовремя платили. В гражданском обществе нуждается свободная личность, пытающаяся понять своё место на этой земле. Если человеку это не интересно, он даже не задаётся вопросом о том, в каком обществе он живёт.

Лично для меня всё изменилось с приходом к власти Михаила Горбачёва. У нас многое перевернулось с ног на голову, но при этом та перестройка, гласность заставили людей по-другому оценить себя и всю нашу жизнь, убить в себе раба и найти новые возможности для проявления свободолюбия. Мне кажется, что, начиная с 1986 года, мы маленькими шагами шли к гражданскому обществу. Теперь, спустя 25 лет, можно с уверенностью сказать, что страна изменилась исключительно в лучшую сторону. Объективно это проявилось в том, что нам стало доступно свободное передвижение по стране и по миру, мы получили возможность свободно говорить. Появилось много людей, которые ничего не боятся, находясь и живя в России.

И это только подтверждает, что гражданское общество, пусть и не идеальное, не до конца достроенное, но всё же существует в нашей стране.

Не строят дом на песке

Знаю одного молодого человека, который обязательно позвонит в департамент транспорта, если автобус гонит, как сумасшедший, или водитель курит в салоне. Звонит прямо при водителе — а ведь это психологически не легко сделать. Вопрос: это активная гражданская позиция или как? И вообще, все эти разговоры «у нас нет гражданского общества», «пока мы не построим гражданское общество, мы не...» — они о чём? Чего от нас в очередной раз хотят?

Чтобы разобраться в вопросе, начиная от понятий и заканчивая примерами, прошу консультацию у заведующего кафедрой социально-политических теорий СФУ Александра Павловича ПАВЛОВА.

— Если не обращаться к определению из учебника — в чём суть гражданского общества?

— С моей точки зрения, гражданское общество — это организм, предполагающий непрерывную и активную «обратную связь» между обществом и государством. Если организм большой, как, например, Россия, и потоки информации в нём идут медленно, с задержкой — возникают проблемы для всего организма. Не потому ли вымерли динозавры, что тело было большое, а мозг маленький: пока до него дойдёт сигнал из внешней среды! В большой стране имеет смысл говорить не об абстрактном гражданском обществе, а рассматривать его с точки зрения отношений, выстроенных в отдельных организациях, корпорациях...

Формы реагирования общественности на деятельность государственных, административных структур могут быть разными: критика, предложения, советы и т.д. В определённых случаях «обратная связь» должна проявляться в давлении общественности на власть. Как, например, когда в ряде городов граждане организовано протестуют против мигалок для «привилегированных» машин, или против проведения нефтяной трубы по берегу Байкала.

— Но в разных странах гражданское общество понимается и реализуется, наверное, по-разному. Совместимо ли оно, например, с тоталитаризмом?

— Традиционно гражданское общество понимается как противовес государству. Это относится как к тоталитарным обществам, так и к демократическим. Речь в данном случае не идёт о том, что государство «нехорошее» или «хорошее». Дело в принципе общественного устройства: всегда должна быть равновесная система. Противопоставленность государства и общества, оказывание давления друг на друга, взаимопроникновение способствуют стабильности и совершенствованию системы.

— В странах западной демократии так и есть.

— У них это подкреплено ещё и развитой правовой культурой, богатым опытом борьбы населения за свои права. Но всё это не значит, что нам данный опыт и ценности подходят. Потому что существуют не просто разные трактовки гражданского общества, но и разные парадигмы цивилизаций. Русское понимание «гражданского» серьёзно отличается от западно-либерального.

— Когда нам говорят, что России следует строить гражданское общество — имеют в виду именно западное. Может, стоит сформулировать это западно-либеральное понимание?

— Истоков западного гражданского общества несколько. Это и буржуазные отношения, если по Марксу. И такие анклавы свободы, как средневековые города. Это цеховые организации, гильдии. Конечно — университеты. Знаменитая протестантская этика с её культом индивидуализма. Либерализм — когда личные интересы человека ставятся выше интересов государства. А государство — такой ночной сторож прав и интересов человека. Люди как бы заключают некий договор (теория общественного договора Томаса Гоббса, Джона Локка), и государство обеспечивает его выполнение. Эта договорная культура — важнейший элемент психологии и морали людей западного общества.

— И ничего этого в России не было?

— Гражданское общество, на мой взгляд, было. Но развивалось оно на основе других институтов. Например, на традициях саморегуляции общины. Особенно гражданское самосознание проявлялось у нас в периоды опасностей. Например, когда мы отмечаем 4 ноября



— это память о подвиге Минина и Пожарского, самой настоящей гражданской инициативе.

И ещё один момент характеризует состояние гражданского общества в нашей стране. Не секрет, что Россия — государственная страна. Мы — не индивидуалисты. Это наша и беда, и преимущество.

Для появления настоящего гражданского общества сегодня предлагается сценарий — создать его сверху. Мне он представляется нежелательным и искусственным. Да и нелогично государству создавать собственный противовес — это будет принимать если не уродливые, то малоэффективные формы.

С чего начинается гражданское общество, если отрешиться от красивых слов? Исходной клеточкой является сам человек и та непосредственная жизненная среда, в которой он находится. Его квартира, подъезд, двор, общественный транспорт, место работы.

— И требуется прибрать свою планету, как говорил Экзюпери.

— Да, и тяга к этому даже есть. Но есть и страх, подкреплённый сильным недоверием к государству. Он коренится в подсознании, выражаясь формулами «инициатива наказуема», «толку не будет» и т.д.

Поэтому, с одной стороны, человек должен поверить, что его индивидуальная глубинная свобода не пострадает, а будет защищена государством. С другой стороны — следует больше внимания уделять гражданскому просвещению. Ведь вспоминая незабвенного профессора Преображенского, можно сказать, что гражданское общество, как и разруха, — начинается в головах.

— Через какие институты можно строить гражданское общество?

— Устойчивых институтов нет. Преобладают протестные акции — как в виде явных выступлений против несправедливых решений федеральных или местных властей, так и в форме ухода людей в свои субкультуры. Но актуальным гражданское общество становится, не противопоставляя себя государству, а находясь с ним в некоем равновесии, когда постоянно идёт поиск компромиссов.

— СМИ являются инструментом построения гражданского общества?

— На мой взгляд, СМИ сегодня очень слабо выполняют одну из важнейших своих функций — функцию критики. Негативные явления освещаются, но нет глубокой аналитики, серьёзного диалога. Общая тональность СМИ — ёрничество, стёб. При этом чьи-то инициативы выдаются за «наши», тиражируются под копирку, копируются; мы зомбированы СМИ. В своё время ОРТЕГА-И-ГАССЕТ критиковал массовое общество, а сегодня оно переживает новый этап — виртуальную стадность. Те же флэшмобы: собраться в каком-то месте, чтобы квакнуть. Сколько каналов телевидения, и везде — либо примитивная развлекаловка, либо приготовленные пиццы, как будто мы никак не можем насытиться.

— А что вы сами смотрите?

— Я смотрю футбол, вообще — спортивные передачи.

— Есть ли в России достаточные условия для появления гражданского общества? Можно предположить, что гражданскую активность проявляют те, у кого жизнь устроена. То есть они обесценены, у них есть свободное время... Если же большая часть населения живёт у черты бедности и всё

время должна думать о материальном обеспечении своей семьи — на общественные инициативы не хватает времени.

— Это, конечно, проблема. В городах ещё не так очевидно, а в деревнях — ужасающий уровень бедности. Но массовую гражданственность можно проявлять и тогда, когда основное население бедное. При Минине и Пожарском вряд ли люди были богаче. Но тогда фактором гражданского общества стала общая объединяющая идея. Сегодня идеи нет, да она вроде бы и не нужна, когда главная ценность — получение жизненных удовольствий.

— Скажите, а к власти приложимо понятие «гражданская»?

— Разумеется, гражданское общество может быть (или не быть) и внутри самой государственной структуры. Любой чиновник, если честно выполняет свои профессиональные обязанности, строит гражданское общество. Если он ставит интересы общества выше интересов чиновничьей корпорации.

— А с другой стороны — и общественные инициативы порой грешат бюрократизмом. Многие сообщества берут за образец какие-то стереотипные формы организации, равняются на официальный управленческий уровень, который оставляет желать лучшего.

— Замечу, что формализм многим нравится. Плохо, когда нет чёткого регламента, прописанных прав участников, регуляции деятельности. Не менее плохо, когда существует видимый порядок бумажных дел, бумажной отчётности. К сожалению, о человеке всё чаще стали судить не по его человеческим и профессиональным качествам, а по тому, как он выглядит в баллах, рейтингах, на бумаге.

— Гражданским инициативам нужен менеджмент?

— В Советском Союзе такая работа организовывалась, и тогдашняя «навязанность» участия в общественной жизни (комсомол и пионерия, демонстрации, разные поручения) многими вспоминается с ностальгией. В чём привлекательность прежних организаций, если отбросить идеологическую составляющую? Во-первых, это была игра. Она особенно важна для молодёжи. Состязательность, здоровое соперничество — всё это имело место.

Во-вторых, восполнение социального неравенства. Гражданское общество — хороший способ людям из «низов» себя реализовать. Допустим, я занимаю не очень весомую социальную позицию (маленькая зарплата, мелкий статус), но благодаря ресурсу гражданского общества (компенсаторные формы) могу

ского общества, точнее сказать квазигражданского. Вывод такой: если не будет предпосылок для нормального гражданского общества, оно всё равно будет существовать, но в уродливых формах.

— Является ли бизнес-сообщество субъектом гражданского общества?

— Я бы сказал, что у нас нет сообщества бизнесменов со своими этическими представлениями, неписаным деловым кодексом и т.д. В дореволюционные времена были ясные представления о том, каким должен быть, скажем, дворянин, или преподаватель гимназии, или профессор университета. И присутствие такой этики — часть гражданского общества. Человек, даже если его никто не контролирует, — контролирует сам себя. У настоящего профессора гражданского общества внутри. И это относится ко всем социальным стратам: люди отвечают не только перед собой, но и перед своим кругом, если поступают так, как не принято.

— Раньше у каждого сословия — духовенства, офицерства, даже студенчества — была своя социальная и культурная ноша. А сегодня, говоря языком жаргона, не только бизнес живёт «не по понятиям», но и другие категории населения — чиновники, милиция, врачи...

— Это интересный разворот темы — искать гражданское общество не столько в виде каких-то самостоятельных инициатив, а в профессиональных кругах. Каждый человек на своём рабочем месте выполняет общественную (важную для общества) задачу.

— Часто мы ждём, пока какие-то проблемы (мусор во дворах, например) решит тот, кто за это отвечает (ЖЭК, социальные службы)... Возможно, это и впрямь не компетенция общества. А какие проблемы могут решить сугубо общественные инициативы?

— Здесь нет чёткого подразделения: это сфера деятельности государства, а это — общества. Такое противопоставление как раз одна из причин кризиса, когда все кивают друг на друга. А если говорить о сферах — это любая деятельность в пространстве, которое человек называет своим. Корень же пассивности в том, что у среднестатистического человека, строго говоря, нет своего жизненного пространства; а если есть, то оно всё время нарушается — машинами во дворе, соседями за стеной, сослуживцами на рабочем месте... Мне кажется, это очень важная тема — вернуть человеку его неприкосновенное жизненное пространство, и физическое, и психологическое.



Рисунок Е. Карпиленко

занимать уже привилегированную позицию как инициатор, председатель какого-нибудь общества и т.д.

— Таких людей, нереализованных и униженных, у нас как раз много — почему же они не рванули в инициативы?

— Они «рванули», но в социально-опасные и деструктивные формы. Ведь скинхеды — это тоже своего рода «гражданское общество», форма общественной солидарности. Так называемый блат и протекционизм, дедовщина, коррупция — всё это компенсаторные, нелегитимные, дикие формы граждан-

культура отношения к таким практикам. Но если твой коллега по-хамски ведёт себя с посетителями, грубит с подчинёнными, берёт взятки — действительно ли нужно молчать? Или такой пример: водители мигают фарами встречным машинам, предупреждая, что за поворотом стоят гаишники. Это нелегитимно в любой европейской стране.

— А у нас это как раз проявление гражданского общества.

— В извращённых формах. У нас люди часто объединяются, проявляют солидарность в противовес закону. Конечно, во многом это коренится в недоверии государству. Это тонкая грань, но всё же надо больше обращать внимания на те вещи, которые мы хотим искоренить, и менять отношение к вмешательству в это.

— Гражданское общество — это массовые движения или маленькие дела?...

— Я бы сказал, вспомнив Чехова, что всегда не хватает людей маленькой пользы. А проблем, на первый взгляд малозначительных, — много. Например, почему у нас такой ужасный общественный транспорт, загазованные автобусы. Почему ступеньки в них высокие — пожилому человеку очень трудно забраться...

— Это уже глобальная проблема — закупка других автобусов. Разве человек маленькой пользы это решит?

— У него другая миссия — «воспитывать» власть личными инициативами, побуждая и её действовать не в своих интересах, а в интересах людей. И такие инициативы есть. Субботники на Столбах, участие в озеленении, организация обучения «людей в возрасте», например, компьютерные «курсы для бабушек».

...Хорошо в маленькой Швейцарии — там «мелкие» проблемы становятся существенными и потому к их решению относятся вполне серьёзно. А в нашей стране мы порой не обращаем внимание на мелочи. Подумаешь, в автобусе грязные окна — радуйтесь, что транспорт вообще ходит. Подумаешь, просроченные продукты в магазинах — хорошо, что они вообще есть. Но это не мелочи. Из них и состоит качество жизни.

— А у вас нет чувства неподъёмности решения этих проблем? Ведь сколько ни убирай своим лестничную площадку — нужно, чтобы и другие это делали.

— Люди социальны по своей природе. И хорошие примеры заразительны. Не сразу, постепенно создаётся микроклимат «поддержания порядка», привычка к хорошему. Одним из лозунгов выдающегося президента США Ф.РУЗВЕЛЬТА в период Великой депрессии, обращённым к нации, был: «делайте хоть что-нибудь, ошибайтесь, начинайте заново, но только не сидите на месте».

И ещё необходимо прививать людям с раннего детства основы общей гуманитарной культуры.

— Чьи гражданские поступки вас лично впечатлили?

— Меня впечатляют люди маленькой пользы. Например, родители, часто необеспеченные, которые стараются привести своих детей в какой-то кружок, секцию, чему-то их научить — и тем улучшить нашу общую будущую жизнь. А сколько людей, которые подкармливают бездомных собак — и не потому, что ждут одобрения, а по сострадательности своей души...

— Если бы они за ними ещё прибрали...

— Ну, это уже следующий этап нашей гражданской сознательности!

...Картинка складывается в моём сознании сама собой: в фундаменте общества должны лежать очень простые вещи. Сначала чего-то просто не делать: не мусорить, не сквернословить. Уровень чуть выше — выполнять то элементарное, что делает нас людьми: уступать место старшим, заботиться о детях, зарабатывать свой хлеб, быть доброжелательным. Дальше идут ступени, требующие разного объёма жертв и усилий: потратить своё личное время на то, что не принесёт тебе выгоды, благотворительствовать, поведи за собой людей. Но суть в том, что у нас слабы или отсутствуют как раз нижние этажи. А без них конструкция рассыпается.

Валентина ЕФАНОВА

Время инициативных

Агентство по реализации программ общественного развития Красноярского края создано относительно недавно — в июне нынешнего года. О том, чем занимается оно на практике, что сделано и что ещё предстоит сделать, наш корреспондент беседует с руководителем агентства Константином ГУРЕЕВЫМ.

— Константин Юрьевич, как я понимаю, назначение агентства — финансировать гражданские инициативы?

— Если процитировать распоряжение губернатора, которым создано агентство, то наша задача — управление и распоряжение государственной собственностью в сфере поддержки институтов гражданского общества, общественных инициатив, национальных и межнациональных отношений. Иными словами, мы отвечаем не столько за формирование государственной политики по отношению к общественности, сколько за реализацию проектов и программ, где взаимодействуют органы власти и общество. Создаём условия, чтобы гражданские инициативы нашли поддержку государства.

— Каким образом это осуществляется на практике?

— Существует несколько форматов поддержки инициатив. Первый из них — это институт Гражданской ассамблеи Красноярского края. Здесь общественные организации имеют возможность создавать общественные палаты, преобразовывать гражданские инициативы в некие нормативы, правовые документы, затем выходить на Законодательное Собрание Красноярского края и придавать им статус законодательных актов. Ещё есть различные форматы поддержки национально-культурных объединений в нашем регионе. Известно, что Сибирь многонациональна, исторически сюда съезжались представители самых разных наций, культур, религий, и процесс этот продолжается и сегодня. Ещё один важный путь поддержки гражданских инициатив — грантовые программы, позволяющие осуществлять эти инициативы.

— Каким ресурсом располагает агентство, кто определяет размер средств, выделяемых на гранты?

— В текущем году на эти цели было запланировано 13 миллионов 800 тысяч рублей, в следующем году, если эта цифра, конечно, будет утверждена нашими депутатами, на эти цели предполагается выделить более 25 миллионов.

— Какие программы выиграли гранты, все ли они реализуются?

— Все программы перечислить невозможно. Существует семь общекраевых номинаций и восемь местных. В первом случае стоимость проекта может достигать восьмисот тысяч рублей, во втором — до двухсот тысяч.



Сейчас мы поддерживаем 127 социальных проектов. При этом на получение грантов претендовали более тысячи проектов. Отбор очень строгий — каждая заявка проходит несколько экспертиз. Мы принимаем решение только на основании их заключений.

— Агентство никак не влияет на направленность программ?

— Прежде всего, мы, конечно, смотрим на социальную значимость проекта. Он должен быть интересным и нужным для общества, перспективным. Иногда какие-то организации, обращаясь за получением гранта, ошибаются адресом. «Оборудование, дескать, устарело, пора менять». Это не к нам. Мы не поддерживаем инициативу ради инициативы. Тем, кто с помощью гранта пытается открыть свой бизнес, поправить дела, сразу объясняем, что они попали не по адресу — это, пожалуй, в банк, за кредитом.

— И все-таки бывают случаи, когда грант используется не по назначению? Как-то вы отслеживаете судьбу выделенных денег?



— Безусловно, реализация каждого проекта отслеживается, это ведь государственные деньги. Грантополучатели готовят подробные отчёты о реализации проекта, прикладывают различные подтверждающие документы; специалисты, курирующие программу, приезжают на места и проверяют, действительно ли проект был реализован. В случае нецелевого использования средств грант отзывается, недобросовестного грантополучателя мы обязываем через суд возратить деньги.

— И после этого он попадает в «чёрный список»?

— Можно и так сказать. Хотя, конечно, никакого «чёрного списка» у меня в столе не лежит. На моей памяти было всего три таких случая, ещё до появления нового агентства. Люди вернули деньги и больше заявок на конкурс не подавали.

— Подобные агентства есть в других регионах России?

— В том виде, как оно существует у нас — думаю, нет. Конечно, в каждой области, в каждом регионе выделяются средства на развитие гражданского общества, поддержку гражданских инициатив. Но в таком количестве, как у нас в крае, — такого примера я не знаю. И в этом, я считаю, большая заслуга нашего губернатора.

— Назовите всё же наиболее успешные, интересные проекты.

— Проекты все по-своему важны и замечательны. Вот, например, проект, направленный на профилактику правонарушений, под названием «Позитивное большинство». Его реализуют в Железногорске. Его главная

задача — «вытягивание» молодых людей из антисоциальной среды.

Есть ещё один интересный проект — народный театр; бабушки поставили спектакль по своим любимым сказкам и теперь ходят по детсадам, показывая его детям. Он с воспитанием принимается и детьми, и родителями, и воспитателями. К тому же обеспечивает ощущение своей нужности у участников, и преемственность поколений. Дети понимают, что интересное, захватывающее действие можно посмотреть не только по компьютеру или телевизору, но и «вживую». Есть проекты, связанные с улучшением экологической ситуации в городе, направленные на борьбу с вредными привычками, на благоустройство придомовой территории, вовлечение молодёжи в спортивные секции. Всего не перечислить.

— Но ведь результат не всегда сразу виден?

— Конечно. Ведь что такое гражданское общество? Это, прежде всего, особое самосознание граждан.

Оно формируется десятилетиями. Я часто привожу сравнение с английским газоном. Для того чтобы он сформировался, его нужно косить и поливать сто лет.

Я наблюдал в Лондоне такую картину — прогуливаются по этому самому газону две немолдые английские леди. Прогуливаются, разговаривают — одна из них с собачкой. Животное делает на газоне своё «грязное дело», хозяйка, не прерывая разговора, достаёт из сумочки специальную одноразовую перчатку, собирает то, что надела собачка, и выбрасывает это в ближайшую урну. Причём делает она это машинально, разговаривая совсем о другом.

Такие нормы формируются десятилетиями. Но давайте начнём какие-то вещи сначала делать осознанно, где-то даже пересиливая себя, чтобы потом это вошло в привычку...

— То есть нужно, чтобы сменились поколения, у которых норма будет записана на генетическом уровне?

— Ну, не так пессимистично. У нас самих есть чему поучиться. Той же толерантности, например. Если в Европе и Америке ей учатся, к ней идут, то у нас, сибиряков, она в крови. Национальная нетерпимость просто не прививается...

Сейчас разные процессы идут — к нам приезжают люди разных культур, разных национальностей, кто-то иногда пытается установить «свои порядки». Но наше сибирское общество без каких-то призывов «сверху» регулирует эти процессы.

— Так уж всё гладко в сфере национальных отношений?

— Проблемы есть. Время от времени очаги напряжённости возникают, не без этого. Несколько лет назад, например, возникло «общественное движение», подобное скинхедам, которое пыталось позиционировать себя как организацию, борющуюся против нелегальной миграции. При этом они решили, что могут действовать без участия правоохранительных органов. Однако всё быстро сошло на нет. Я могу много подобных примеров приводить. Конечно, наиболее серьёзная напряжённость на рынке труда, конкуренция с приезжими за рабочие места. Но позитивных примеров гораздо больше.

— Меняются ли люди в смысле гражданского самосознания?

— Это очень сложно заметить, хочу сказать. Но вот не так давно сообщество автомобилистов обнародовало «Хартию вежливых водителей». Всего десять правил, которые не входят в правила дорожного движения, но соблюдая которые, мы облегчаем жизнь и себе, и другим. Например, самое простое — если на главной дороге плотный поток транспорта, и кто-то не имеет возможности влиться в этот поток, стоя на восторженной дороге, или перестроиться в нужный ему ряд, — дай ему такую возможность, даже если формально ты не обязан этого делать. Но и с другой стороны: если водитель проявил вежливость по отношению к тебе — поблагодари его, моргни фарами, например. Если ты паркуешься в центре города или просто там, где очень много машин — поставь свой автомобиль так, чтобы не мешать другим. Относись к пешеходу, как к ребёнку — ведь он беззащитен по отношению к тому, кто сидит за рулём. Если мы все станем соблюдать эти правила — ситуация на дорогах изменится к лучшему, пробок станет меньше, да и ДТП тоже. Я уверен. На мой взгляд, за последние три года водители стали терпимее...

— В декабре в Красноярске пройдёт Гражданский форум. Чему он будет посвящён?

— Впервые в регионе путём проведения Гражданского форума делается попытка создать социальную сеть некоммерческих организаций, внутри которой общественники обменивались бы своими наработками, опытом и ресурсами. Так, к примеру, объединения волонтеров помогали бы проводить мероприятия организациям, работающим с людьми с ограниченными возможностями. Кроме того, Гражданский форум нацелен на то, чтобы объединить усилия общественных организаций, создать условия для открытого диалога представителей некоммерческого сектора с представителями государственной власти региона, сделать доступной для населения Красноярского края информацию о деятельности всех общественных организаций.

Беседовал
Дмитрий ГОЛОВАНОВ
Фото — А. БЕЛОНОВ

ИССЛЕДОВАНИЕ

Встречаемся на форуме

6-8 декабря в Красноярске пройдёт Гражданский форум. В его работе примут участие члены Общественной палаты РФ, общественных организаций региона и России, эксперты, участники грантовых программ, губернатор Красноярского края, представители власти всех уровней.

Цель форума — разработка стратегии развития гражданского общества и создание механизмов социального партнёрства в Красноярском крае. Программа форума включает:

>> ежегодный доклад «О состоянии гражданского общества в Красноярском крае»;

>> зимнюю грантовую сессию — совместное заседание

грантового совета, экспертов и координаторов грантовой программы;

>> презентацию лучших проектов грантовой программы «Социальное партнёрство во имя развития», проектов — победителей федеральных грантовых конкурсов;

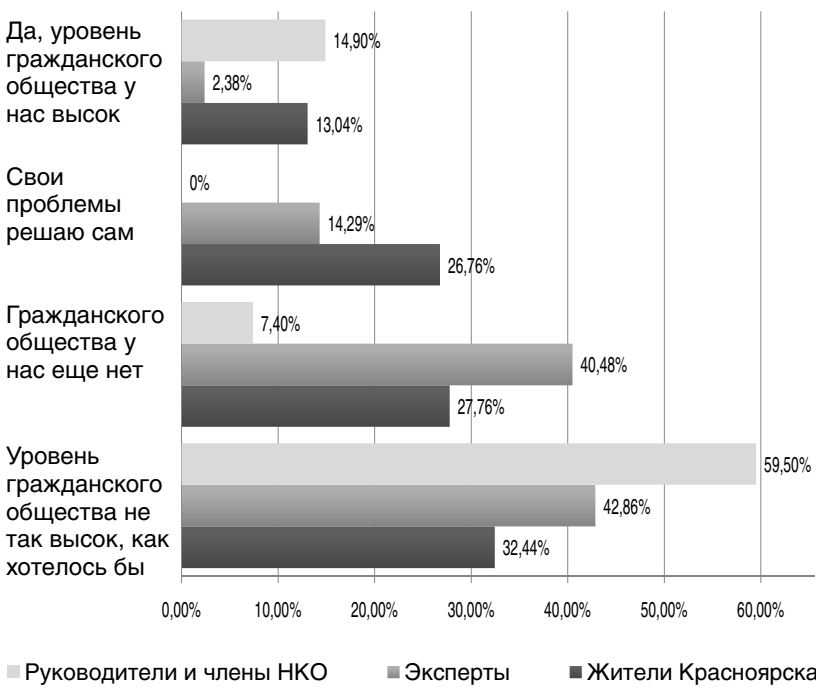
>> презентацию общественных палат Гражданской Ассамблеи, национально-культурных объединений, благотворительных фондов;

>> публичные отчёты по проектам;

>> обсуждение состояния гражданского общества в Красноярском крае, концепции долгосрочной целевой программы «Региональная национальная политика» и др.

Планируется, что форум завершится принятием общественного договора об участии граждан в улучшении качества жизни.

Из доклада 2009 г. (данные на 2010 г. сейчас обрабатываются)



По данным Управления Минюста РФ по Красноярскому краю, на 01.10.2009 года в реестре некоммерческих организаций содержатся сведения о 3843 некоммерческих организациях, в том числе 2150 общественных объединений, из них:

>> инвалидов — 129,
>> ветеранских — 113,
>> молодёжных — 93,
>> национальных — 46,
>> образовательных — 39,
>> предпринимательских — 31,
>> творческих — 26,
>> спортивных — 22,
>> экологических — 21,
>> коренных малочисленных народов Севера — 20,
>> культурных — 19,
>> патриотических — 10,
>> правозащитных — 8,
>> просветительских — 5.

Карта без белых пятен

Как известно, школа — зеркало общества, в котором отражаются все его проблемы. То, что мы видим сейчас в этом отражении, не слишком внушает оптимизм. Как и в прежние времена, школа часто остаётся закрытым, замкнутым на себе миром. Многие выпускники с трудом адаптируются к «большой» жизни, не говоря уже о том, чтобы активно проявлять гражданскую позицию: разделять ответственность за то, что происходит вокруг, пытаться изменить положение вещей к лучшему... Но надежда на иное настоящее есть всегда. О том, как воспитывать неравнодушных граждан, а не послушных роботов, как расширять горизонты образования и тренировать компетенции, мы побеседовали с Еленой ФОМИНОЙ — исполнительным директором Центра «Сотрудничество на местном уровне».

«То, чем мы не управляем, начинает управлять нами»

— Елена Юрьевна, как вы считаете: то, чем занимается ваш центр, локально или глобально? Вы работаете со школами как с институтом или с конкретными детьми и детскими коллективами?

— Наш центр, некоммерческая организация, был создан в 1997 году командой единомышленников, которые хотели изменить школу как общественный институт: чтобы она была не просто образовательным учреждением, но и могла предоставлять и детям, и всему обществу намного больше услуг и, соответственно, возможностей. В этом смысле нашу деятельность можно считать глобальной. Кроме того, мы действуем не только в Красноярске, но и в других городах и районах Сибири, в европейской части страны, в странах СНГ; есть и международные проекты. А конкретная работа ведётся как со школой в целом, так и отдельно с детьми, педагогами и родителями.

— Можно ли считать школу институтом гражданского общества? Или это исключительно государственная структура? Иначе говоря, кого всё-таки готовит современная школа — граждан или «винтиков»?

— Школа — институт государства. Но поскольку страна выбрала путь демократического развития, государство должно создавать условия для воспитания не «винтиков», послушной массы, а именно граждан. Что получается на самом деле — сложный вопрос. Школа — единственная социальная структура, которая так долго, на протяжении десятка лет работает с человеком. И она должна заложить в каждого ребёнка одновременно и жизненные ценности, и знания, и увязать всё это с реальной жизнью. Многие школы сегодня пытаются уродителей «снять социальный заказ» на те или иные компетенции, которые потребуются детям во взрослой жизни. Хорошо, если родители и школа работают вместе, являются союзниками, разделяют одну систему ценностей. Но и ценности сейчас — понятие довольно размытое, каждый понимает их по-своему. Государство декларирует многие правильные вещи: модернизацию, например. Но есть ли в этих проектах место ребёнку?

Или взять такое нововведение, как ЕГЭ. По идее, низкие результаты этого экзамена не должны понижать жизненный статус выпускника, ведь детей в школе учили не только решению тестов, но и общению, добру, умению жить и взаимодействовать в коллективе... Но поскольку ЕГЭ очень влияет на дальнейшую судьбу школьника, педколлективы начинают ставить эту задачу во главу угла.

— А что такое, по-вашему, гражданская позиция? И нужно ли формировать её с детства?

— Гражданская позиция характеризуется реальным поведением человека, его умением соблюдать важнейшие правила, выполнять социально-нравственные обязанности. Статус гражданина человек обретает тогда, когда начинает активно влиять на происходящее в обществе. Гражданская позиция проявляется только в делах, транслируется исключительно через поведение. Даже в мелочах. Взять такое простое дело, как уборка мусора. Кто должен отвечать за чистоту двора? Задумываясь над решением этой проблемы, ребёнок начинает понимать, как устроено государство, что относится к функциям местного самоуправления и что должны решать сами жильцы. И как эти вопросы касаются лично его.

В некоторых школах других регионов проходят так называемые жилищные уроки. На них дети решают задачи, например, как рассчитать расход воды по дому, подсчитать затраты электроэнергии, изучают, чем занимаются ТСЖ и так далее. Словом, дети учатся более активному, ответственному отношению к повседневной жизни.

Мы часто повторяем: дети ещё маленькие, чтобы что-то знать. А когда они заканчивают школу, любим говорить: они уже выросли, их поздно чему-то учить. И очень редко даём им «пощупать» реальную жизнь, недостаточно обучаем навыкам существования во взрослом мире.

— Поговорим о взрослом мире. Есть распространённое мнение, что в России гражданского общества нет. Что вы думаете об этом?



— Согласно, что уровень демократизации в России пока недостаточен. Но определённые механизмы, подводящие к гражданскому обществу, всё же начинают работать, их роль становится всё более очевидной. В разработке законов, например, о некоммерческих организациях, участвует Общественная палата и другие общественные институты. Идёт коллективное обсуждение многих процессов. Конечно, нужна более широкая практика. Но ведь США, на которые мы прежде всего оглядаемся в вопросе построения гражданского общества, прошли очень долгий путь. России просто нужно время.

Очень многое в жизни зависит от нас, от нашего участия в гражданских инициативах. Ведь не зря говорят: то, чем мы не управляем, начинает управлять нами и лишает нас возможности выбора и самоопределения.

— Ещё одна популярная точка зрения заключается в том, что верноподданничество буквально заложено в генах тех, кто живёт в России. Можно ли «побороть наследственность» и воспитать свободную личность?

— Одной из задач учителя как гражданина является как раз необходимость возвращать в учениках сознание того, что всегда есть возможность выбора. Когда альтернативы нет, нельзя и взглянуть на ситуацию с различных точек зрения.

Конечно, о быстрых результатах воспитания такого мышления говорить не приходится: многие родители прошли другую, линейную и безальтернативную школу. Может, когда-нибудь, через поколение, люди будут чувствовать себя более свободными.

Нельзя готовить детей «в никуда»

— Есть ли уже сейчас какие-либо положительные примеры гражданской активности детей, которые вы наблюдаете в своей работе?

— Безусловно. Они проявляются, в частности, при проектном подходе, который мы предлагаем применять в школах во внеурочной деятельности: дети с помощью педагогов создают и реализуют собственные проекты.

Вот лишь некоторые из них. «Зажигая звёзды» — ученики одной сельской школы устроили конкурс талантов, в котором участвовали не только дети, но и взрослые жители села; это был отличный пример совместного творчества поколений. «Говорящие книги» — школьники подготовили десятки книг для слабовидящих детей, живущих в интернате. «Сказка в красках» — дети украсили двор, заранее опросив малышей и мам, придумав сказочные сюжеты. В этом проекте приняли участие более 40 добровольцев: и дети, и взрослые.

Чтобы у детей возникали новые идеи, мы учим их обращать внимание на то, что происходит вокруг. Так, одна из школ была расположена рядом с Домом малютки. И ученики вдруг увидели, кто находится рядом с ними, заметили, что с малышами

происходят в нашей жизни, должны находить отклик в воспитании личности.

— Насколько вообще, по вашему мнению, изменилась школа по сравнению с советским периодом? Консервативность этого института — благо или вред?

— По моему мнению, школа сильно изменилась. Причём каждая школа — по-своему. Средние учебные заведения стали более открытыми, они активнее взаимодействуют с вузами, с некоммерческими организациями, с бизнес-структурами. Бывает, что крупные компании реализуют в школах свои программы, целенаправленно занимаясь профориентацией. Это хорошо. Я считаю, что мы не можем готовить детей «в никуда».

Школе необходимо понимать, какие качества нужно формировать у детей. Но здесь есть и проблемы. Мы не учим детей работать с собственными целями, всё решаем за них, постулируем: «Ты должен». Но понятие «ты должен» не равноценно понятию «я хочу». В результате дети просто не умеют принимать самостоятельных решений, не могут выбрать себе профессию.

А вот в Японии, например, в младших классах учат рисовать

в итоге у них повышается успеваемость, развиваются коммуникативные навыки.

Использовать ресурсы сообщества

— Представляется, что неслучайно Центр «Сотрудничество на местном уровне» ставит во главу угла концепцию общественно-активной школы... Что предполагается достичь?

— Идея общественно-активной школы включает три направления работы. Во-первых, это демократизация школы. Её можно осуществить, давая детям, педагогам, родителям возможность высказаться, управляя школой через общественные органы, собрания родителей и так далее. Демократизация означает и использование активных и интерактивных форм обучения: ролевых игр, диспутов, обсуждений, самостоятельной работы с текстом и последующего группового обсуждения. Всё это позволяет детям из объектов обучения превернуться в его субъектов. Второе направление — партнёрство школы и местного сообщества на разных уровнях, консолидация ресурсов для совместного решения школьных и общественных проблем. И третье — добровольческие инициативы, добровольческая деятельность детей и взрослых. Здесь очень широкое поле деятельности. Например, ребята учат стариков пользоваться «Платёжками», старшеклассники обучают младших играм на переменах. Важно, что всё это осуществляется по инициативе самих ребят.

— Как меняется уровень социальной адаптации школьников, которые участвуют в программах центра, можно ли вообще это отслеживать?

— Специальных исследований на эту тему пока нет, но во время тренингов мы распространяем входные, промежуточные и итоговые анкеты и видим, как по ходу занятий растут детская уверенность в себе, умение работать с информацией, осознание того, что с ними происходит. Мы учим школьников выражать свои чувства, раскрепощаться, излагать свои мысли. Очень полезны практики, когда дети обучают друг друга.

— Откуда пришли люди, работающие в центре, какое у них образование?

— В основном, педагогическое. Есть социальный работник, социальный педагог-психолог. Все имеют практический опыт работы с детьми.

— Вы работаете в основном на иностранные гранты. Ваши коллеги в Англии, Польше имеют дело с детьми, воспитанными совсем в других традициях. Как вы используете их опыт?

— Да, действительно для реализации своих проектов организация привлекает и иностранные гранты, и российские: от администрации Красноярска, фондов «Новая Евразия», «Право и справедливость».

Получая деньги, мы реализуем наши собственные идеи по обучению детей и педагогов. Тренинги и программы разрабатываем сами, а если используем другие, то стараемся приспосабливать их под себя. Максимально адаптируем программы под потребности конкретных образовательных учреждений. Среди программ последнего времени можно отметить создание «Центров социального менеджмента» в школах. Готовим методические пособия и для детей, и для педагогов: по развитию жизненных навыков, умению работать в команде и прочему.

Перенимаем и зарубежный опыт. Например, в Великобритании есть программа «Активные граждане в местных сообществах», участникам которой предлагают начать с исследования своего окружения. Так и мы предлагаем нашим детям нарисовать карту местного сообщества, которое в результате предварительного тренинга они видят уже совсем другими глазами.

Что ж, чем меньше белых пятен будет на таких детских картах, тем быстрее мы сможем приблизиться к идеалу: открытому миру, в котором каждый ощущает себя личностью и активно влияет на происходящие события. А дорога к этому, не постыжись, начинается именно за школьной партой.

Татьяна АЛЁШИНА

Осторожно, СМИ!

С помощью каких рычагов создаётся гражданское общество? Если отвечать навскидку, то первое, что приходит в голову, — СМИ. По зрелому размышлению ответ остаётся тот же: ну какой иной институт более влиятелен, красноречив, доходчив до каждого, лучше знаком с общественными проблемами и проч., проч.? Но тогда именно СМИ придётся предъявить претензию, что гражданское общество в нашей стране что-то никак себя не обнаруживает. Озадачившись темой, мы решили обсудить её за круглым столом с людьми, которые так или иначе работают с информацией и создают местное медиа-пространство. Участниками обсуждения стали Дмитрий БОЛОТОВ (портал «Дела.ру»), Виктор ИСАЕВ (Независимое информационное агентство), Кирилл ЗОРИН и Зинаида ПАЛИЕВА (кафедра журналистики СФУ), Константин ХЛЕБНИКОВ (газета «Наш Красноярский край»), Ярослава ЖИГАЛОВА (пресс-служба СФУ), Елена БУРЕНКО (пресс-служба «Норникеля»), Сергей КОМАРИЦЫН (центр гуманитарных исследований «Текущий момент»).

Ресурс объективности или манипуляции

Палиева: Сейчас в СМИ идёт очень много негатива о Сибирском федеральном университете. Просто место у нас бойкое, находимся на перекрёстке многих интересов. И у меня студенты попадают в очень сложную ситуацию. С одной стороны, они работают в штате СМИ, например, региональных приложений «Московского комсомольца» и «Комсомольской правды», поэтому смело берутся за критический материал, отражающий наши университетские проблемы. Но не всегда у них хватает мужества пойти на реальную встречу с тем же проректором или другими официальными лицами, которые в этой проблеме компетентны. И тогда, конечно же, несурзные публикации возникают, написанные руками наших же студентов. Они говорят: «Это формат». Но формат форматом, а понимать надо, за что отвечает руководство университета, а за что нет.

Буренко: Все согласятся, что СМИ сейчас не совсем объективно преподносят информацию... Всегда ли они делают это специально? На мой взгляд, не всегда. Очевидно, что источником новостей являются пресс-службы, выдающие информацию в выгодном, интересном для компании формате. Кроме того, в отдельных случаях пресс-службы часто ограничивают доступ к информации. Ещё одна причина снижения объективности — мощный информационный поток. Новости возникают и умирают настолько быстро, что журналисту подчас не хватает времени, чтобы объективно и полно разобраться в картине случившегося и полно её представить. Поэтому к проблеме объективности СМИ, наверное, стоит относиться как к временной данности.

Исаев: А объективность бывает вообще?

Болотов: Наши материалы, в которых есть столкновение позиций, например, «Норникеля» и «РУСАЛа», вызывают с обеих сторон упрёки в том, что мы продались и тем, и другим, хотя мы честно пытались разобраться...

Палиева: Реакция на информацию очень важна. Хотя часто материалы в СМИ, даже широко обсуждаемые, просто игнорируют. По типу: собака лает — караван идёт.

Болотов: Зачастую властные структуры так и работают со СМИ.

Зорин: На недавнем форуме региональных СМИ «Енисей.РФ» отмечалось, что журналистика утрачивает информирующую функцию, потому что Интернет, блоги или какие-то прямые коммуникации между пресс-службой и аудиторией быстрее доносят информацию. И журналисты уже «догоняют» новость. Может, стоит заниматься аналитикой, объяснять причины, а не информировать — люди и так всё быстро узнают.

Ещё один аспект — позиция журналистов. Недавно прошло совещание Агентства по печати и массовым коммуникациям с редакторами подведомственных районов газет. Николай ГЛУШКОВ обозначил важную проблему: информации о деятельности краевой власти вроде бы достаточно, газеты жалуются, что им не нужны дополнительные полосы с отчётами о работе депутатов. Но на местах люди часто не знают об элементарных вещах, а журналисты не догадываются использовать свою позицию для элементарного выживания: собрать вопросы от читателей и адресовать их министру, например. Ведь у их аудитории это вызовет несомненный интерес.

Исаев: Мне кажется, что объективность в представлении ситуации и заключается в том, что на одну и ту же тему пишут и молодые журналисты с незна-

чительной подготовкой, и имеющие 20-летний опыт работы, и те, у кого позиции противоположные. В итоге получается объективная в принципе картина, если собрать всё, что на данную тему написано. То же самое и с освещением в СМИ Сибирского федерального университета. Есть проблема с рошей — о ней пишу. Есть миллиардное финансирование — задают вопросы, куда оно идёт. Есть зависть к университету других сибирских регионов — и это обозначено. А в целом вырисовывается прорывной проект, который о федеральных университетах заставил говорить. Мне кажется, на таких серьёзных, глобальных темах журналисты должны формировать свою гражданскую позицию, а вместе с этим — гражданское общество.

Мы говорили о том, что информационный поток отодвигает традиционные СМИ, и мы перейдём на аналитику. Я так не считаю.

Доверие к печатному слову, к телевидению, определённое доверие к Интернет-агентам, которые давно работают, — это всё-таки большого стоит. Читаем блог — а там мысли какого-то человека, который встал не с той ноги и ляпнул какую-то чушь.

Палиева: Я бы даже сказала, что и потока большого нет. Висят и висят в Интернете. Всё одно и то же — как будто ничего и не происходит существенного.

Зорин: Наши студенты разбирали информационную войну в СМИ, когда был конфликт в Грузии. Содержательно действительно мало что меняется, но было установлено, что за сутки выдавалось столько сообщений, что физически ни один человек не смог бы это даже прочитать и воспринять.

Исаев: Хороший пример с Грузией. Я следил за ситуацией из Малайзии. Было три канала — BBC, CNN и «Вести» (2-й канал). Когда посмотришь всё, ситуация становится понятна.

Болотов: Количество людей, готовых, как Виктор Генрихович, воспринимать информацию из разных источников, очень ограничено. Большинство склонно выбрать себе какой-то канал вечером у телевизора, либо всё читать в твиттере, либо, если ему нравится форум «Реклама-мама», он туда будет каждое утро заходить и там всё получать, ну плюс-минус ещё какие-то источники.

У нас есть связка — сайт «Дела.ру» и форум «Реклама-мама». Человек может почитать статьи и новости на нашем сайте и обсудить их на форуме. Изначально на форум людей заходило на порядок больше, но со временем «Дела.ру» в какие-то дни стали обгонять по посещаемости форум. Всё зависит от того, как подавать. Для нас самих это было несколько странно. Ведь «Реклама-мама» для многих красноярских журналистов и СМИ-шников — первая страничка. Смотрят слухи, новости. Но те материалы, которые мы публикуем, периодически перетягивают читателя. Я не представляю этих людей до конца, но есть, видимо, в Красноярске какое-то определённое количество тех, кому это нужно.

Хлебников: Источников масса — лояльных к власти, оппозиционных власти. В желании всегда можно объективную картину, как человек её понимает, для себя составить. У нас государственная газета — учреждение губернатор края и Законодательное Собрание.

Конечно, у нас регулярно есть проблемные материалы. Однако мы всегда показываем позицию исполнительной и законода-

тельной власти по отношению к этой проблеме. Наш лозунг: «Критикуешь — предлагай!».

Жигалова: Тогда возникает закономерный вопрос: всегда ли оппозиционное издание, лишённое финансовой поддержки государства, говорит самую что ни на есть правду?

Комарицын: Свободная пресса не всегда говорит правду. Но именно у неё, а не у государственной прессы, есть такая возможность. Поэтому в западной традиции её роль оценивают известным выражением — «цепной пёс демократии». То есть это инструмент, который не только позволяет обществу оценивать власть, но и влиять на все процессы, политические в том числе. По своей природе средства массовой информации не могут быть связаны с властью. Я сейчас не говорю о государственных СМИ — это особая тема. Пресса вообще — инструмент общества. Чем меньше политическое общество, то есть государство, и больше гражданское — тем лучше. И инструментом здесь известные: выборы, плюрализм, партии, общественные организации, гражданские инициативы, так далее. И не в последнюю очередь — свободная пресса.

Зарботки не пахнут?

Жигалова: Я расскажу провокационную историю о свободной прессе. Недавно был такой визит одной газеты. Открытым текстом нам заявили: мы как представители свободной прессы готовы писать о вас хорошие вещи, но это для вас чревато расходами. Подобное случалось и у других пресс-служб, в том числе, органов власти (в этом случае визитёры рассчитывают на поддержку при проведении тендеров). Опять же из моего опыта: не только отдельные СМИ, но и некоторые журналисты используют «трибуну публицистики» для сведения счётов или как способ достичь желаемого. Одному журналисту (не студенту) не дали место в студенческом общежитии; у другого супруга не может сдать сессию. В результате — критический материал, построенный на домыслах и слухах.

Комарицын: Это специфика нашей российской ситуации. Всеволод БОГДАНОВ, председатель Союза журналистов, когда-то давно, лет 10-12 назад, сказал замечательную фразу: «И денег возьмут, и правду скажут». У нас есть аффилированные с олигархами СМИ, есть СМИ, которые в значительной мере существуют за счёт бюджета, есть «свободные», то есть принадлежащие менеджменту. Рекламный рынок, который мог бы дать определённую свободу, развит у нас плохо. Поэтому возникают другие формы выживания — всевозможные контракты с крупными компаниями, так называемое информационное обслуживание, хотя всё это напрямую запрещено законом о СМИ. Там написано, что нельзя ставить рекламу под видом авторских или редакционных материалов. Но эта практика существует, и это один из основных финансовых источников СМИ. Не берусь осуждать коллег. Но одно дело предложить «писать хорошие вещи», совсем другое — шантажировать: денег не дадите — напишем плохо.

Зорин: Почему-то принято считать, что такая ситуация только у нас в России. Западные исследователи отмечают, что в 70-е годы, когда финансирование BBC было полностью государственным, критических замечаний в адрес власти на канале было гораздо больше, чем сейчас, когда они стали частично зарабатывать деньги. Сейчас они менее критичны, более лояльны к рекламодателю — ну то же самое, что и у нас.

Комарицын: Объективных СМИ нет и быть не может. На Западе в том числе. Когда Вла-



Константин ХЛЕБНИКОВ



Елена БУРЕНКО



Дмитрий БОЛОТОВ



Виктор ИСАЕВ

димир ПОЗНЕР работал на американском CBS и сказал по поводу «Дженерал Моторс» (а это был главный рекламодатель канала) простую фразу: «Лучше бы не японцев критиковали, а сами лучше работали», — с ним просто разорвали контракт на завтра. Более того, американское телевидение как место работы теперь закрыто для Познера. Спонсор ничуть не лучше цензора.

Исаев: Наше агентство и начиналось как абсолютно независимое, и пытаемся быть до сих пор равноудалёнными от различных точек зрения. Что касается лояльной к власти и олигархам прессы — это всегда будет, особенно в региональной журналистике.

Если в Москве есть рекламный рынок, мировые бренды, то в регионах рынка фактически нет, поэтому приходится работать по каким-то проектам, спецзаказам. А здесь проследживается явная аффилированность.

Например, когда отмечается 400 лет Туруханскому району — вы же не будете показывать ржавые бочки на берегу Енисея. Будете рассказывать об истории, о достижениях. Это часть правды, но её тоже надо показывать, над этим работать. Нет ничего страшного в том, что СМИ как-то зарабатывают. Важно, чтобы это не переходило грань.

Болотов: Рекламный рынок есть какой-никакой — иначе бы у нас вообще не было ни одного издания...

Комарицын: Просто изданий безумно много... Зинаида Ивановна подтвердит, что в советские времена в Красноярском крае было 557 журналистов. Это всех — в крае, в городе, в районных газетах.

Палиева: И все друг друга знали...

Комарицын: Сейчас в этой сфере, только в городе Красноярске около 33 000 человек. Я их не знаю, этих людей. Когда было пятьсот человек, тогда и отношение было другое к профессии. Конечно, в сравнении с соседями, тем же Кемерово, у нас очень качественное телевидение. Но при этом журналисты, работающие на красноярских каналах, абсолютно безграмотные — они русского языка не знают, говорят «одевать» вместо «надевать», путают факты, фамилии.

На мой взгляд, профессии журналиста, какой она была раньше, сейчас нет. Что делать — некоторые профессии умирают. У ВАМПИЛОВА есть рассказ про метранпажа. Кто это такой?

Палиева: Метранпажа в отличие от метросексуала студенты уже не различают.

Комарицын: Когда появились мыльницы, начали исчезать фотографии в салонах: нет потребности в бытовой фотографии. То же самое происходит с журналистикой. У нас есть блоги, куда в день заходит 300-400 тыс. человек. С этим никакое издание не сравнится.

(Окончание на стр. 9)

Репутацией не торгуют

Когда-то мы учились на одном курсе, и уж по крайней мере неотъемлемое право быть «на ты» это мне даёт. Но в целом — не по разные ли мы стороны баррикады? Пресс-секретарь губернатора Игорь АСТАПОВ и я, берущая у него интервью. Мы говорим о журналистской этике, о создании гражданского общества с помощью СМИ, и постепенно становится уже невозможно провести границу между «они» и «мы»: власть и общество, журналисты и их начальники, аудитория и надежды, которые она возлагает на нашу братию...

— **Сколько ты сам в журналистике проработал?**

— Если иметь в виду профессию человека, который что-то пишет и говорит с экрана, то не так долго. В «Заполярной правде» с 1986 по 1991 год, а с 1991 года я там уже был главным редактором, а это не совсем журналистская работа. Потом пришёл на телевидение, директором. Так что собственно журналистского стажа немного — лет шесть.

— **Редактор — та же кухня, по крайней мере, он заодно со своими работниками.**

— Внутри коллектива главный редактор и журналисты вполне могут быть в разных окопах, и это случается даже чаще, чем наоборот. Но у нас так не было. Если считать весь срок работы в СМИ, до момента поступления на госслужбу в 2000 году — то я занимался этим 15 лет. А вообще связан с профессией уже четверть века.

— **Журналисту в своей работе так или иначе приходится делать этический выбор. Поэтому так актуальны всегда были разговоры о профессиональной этике журналиста. Сейчас разговоры поутихли, а проблема — нет. Изменились ли представления о журналистской этике за последние 15-20 лет?**

— Изменились мотивации, которыми заинтересовывались средства массовой информации. Раньше это, безусловно, был политический сектор. Сейчас — коммерческий. А в вопросе об этике ничего не изменилось. Проблемы этического поведения в профессии возникли в начале 1990-х годов и продолжают по сей день. Они, конечно, и при советском строе существовали, но всё же тогда журналистика была совсем сдержанной. Хотя выбор был всегда — газеты всё-таки были разными. «Советская Россия» того периода — потрясающе интересная, оригинальная, одна из лучших европейских газет с точки зрения содержания, языка, стилистики, верстки... Буквально авангардное издание. Или родная моя «Заполярная правда»: это была одна из лучших городских газет всего Союза. 72 тысячи тираж был, когда я стал там редактором. Это в Норильске, где живёт 240 тысяч. С коэффициентом семейности — охват аудитории был тотальный.

— **А у общества есть какие-то особые ожидания в отношении СМИ? Допустим, что журналисты должны как-то особенно честно выполнять свою работу...**

— Мне кажется, люди ждут от СМИ, что они помогут разобраться в текущих событиях. И в этом смысле (если я читаю газету просто так, а не с целью провести профессиональный анализ) у меня требование одно — отсутствие тенденциозности. Всё остальное — прилагаемое. Журналист может быть умным или бестолковым, может быть мастером словоупотребления или пользоваться довольно кондовым языком, — всё это можно и простить, и понять. А тенденциозность — вещь для читателя обидная. Если журналист тенденциозен, следовательно, он либо пытается меня обмануть по каким-то прагматичным соображениям, либо он обижен на что-то, и в этом смысле всё равно меня использует как единицу общественного мнения. Но это всегда прочитывается, а потому мало у кого получается.

— **Нынешний «Кодекс журналиста», принятый в 1994 году, провозглашает несом-**

местимость деятельности журналиста с любой должностью в исполнительной или законодательной власти. Сегодня масса депутатов ведут ток-шоу, «делают» СМИ. Можешь это прокомментировать?

— В основном это всё-таки депутаты, для которых СМИ — дополнительный канал общения с аудиторией. Профессия депутата и журналиста вообще очень сильно похожи, задачи примерно одинаковы. А представителей исполнительной власти в СМИ совсем немного.

С другой стороны, если министр культуры ведёт программу на телевидении — это хорошо или плохо? По-моему, неплохо. Если какой-то крупный государственный деятель ведёт колонку в серьёзном еженедельнике, рассуждает на актуальные темы — разве это плохо? Допустим, это человек, имеющий высокий статус в министерстве финансов; несомненно, его мнение и информация были бы очень ценны для специалистов.

— **Мне кажется, каждый современный человек понимает, что независимая журналистика — такая же априорная ценность для общества, как какая-нибудь декларация прав человека. Но это для общества. А для отдельных компаний, для власти — такая журналистика как раз не нужна, а нужны механизмы манипуляции людьми...**

— Не уверен, что общество воспринимает это как ценность. Если бы обществу нужны были независимые СМИ — возник бы рынок, основанный на такой заинтересованности. Если рассматривать СМИ как бизнес, то, строго говоря, им всё равно, откуда получать деньги. Это могут быть политические, коммерческие деньги, приличные (без всякой «джинсы») рекламные деньги; деньги самого читателя. И читатель не очень активно «голосует» деньгами за независимость прессы. При этом был период, когда общество имело в голове такую безусловную ценность. В то время у «Аргументов и фактов» тираж был более 20 миллионов экземпляров. У «Комсомолки» — несколько миллионов и т.д. Да и при советской власти на многие издания был спрос без всякого навязывания подписки. Говорят, что сегодня издания стали сильно дороже? Извините за сравнение, но бутылка пива дороже газеты. Но сегодня «тиражи» пивных компаний значительно превышают тиражи СМИ. Объективно выходит, что пиво для общества ценнее.

— **Почему? К журналистике утрачено доверие или ко всей сфере общественно-политической жизни?**

— Журналистика очень сильно себя скомпрометировала в 90-е годы. Как угодно можно относиться к «информационным киллерам» того времени, но они много сделали, чтобы к журналистике сложилось такое отношение. Абсолютная тенденциозность.

— **А можно сказать, что у самих журналистов на смену ценностям служения обществу пришли корпоративные ценности — интересы издания, канала?**

— Есть случаи, когда журналист расстается с изданием, исходя из того, что это продиктовано какими-то его принципами, которым противоречат требования редакции. Как правило, расстается спокойно: ребята, у вас так, а мне так не нравится. Но это единичные примеры. В первых, и принципы не у всех, во-вторых, работы не слишком много.

Рынок прессы сильно рос в течение 90-х и начале 2000-х годов. А последние 5 лет он катастрофически сжимается. Раньше профессия требовала постоянной подпитки журналистскими кадрами, и наш красноярский журфак выпускал до сотни человек работников СМИ ежегодно. Да и откуда угодно люди приходили в профессию, хоть с улицы, потому что издания открывались десятками. Только глянцевого журналов 20 штук было в Красноярске. А сейчас расстаться с работой не просто.

И обвинять людей в этом сложно — всем надо как-то жить, кормить семью. Хотя талантливый человек себе всегда найдёт работу. Прошу прощения за большой пример с компанией «Афонтово» — но практически



все интересные ребята, которые там были, нашли себя на других каналах и в изданиях.

— **Тебе как пресс-секретарю, который много работает с журналистами, доводилось сталкиваться со случаями неэтичного поведения?**

— У нас неприятных историй было совсем немного, даже не могу вспомнить. С журналистами всегда были довольно ровные отношения. И если кто-то даже бывает агрессивен по какой-то причине — я найду деликатный способ прийти с ним к пониманию (деликатный — в смысле абсолютно легитимный, без какого-либо давления).

— **Если тебе требуется выход в СМИ — к кому обращаешься?**

— Я отвечаю за губернатора и за его контакты со средствами массовой информации, а через них — с обществом. Губернатор не может давать интервью постоянно, а вопросов очень много — не бывает дня, чтобы в почте не было просьб об интервью с первым лицом края. Приходится выбирать, и критерий здесь простой и прагматичный. Мы заинтересованы в том, чтобы информация из уст губернатора дошла до возможно большего числа людей. Значит, если это печатное издание — то самый большой тираж, если телевидение — то самый высокий рейтинг у канала и охват аудитории.

— **Испортила ли журналистику система тендеров, госзаказов? Известно, что издания могут на многое пойти, чтобы получить контракт...**

— А я вот думаю, что нет, не испортила. Некоторое время назад я занимался этим.

Скажу так: если бы не федеральный заказ, то СМИ для детей, СМИ, пишущих о проблемах детства, — их практически не было бы. Потому что коммерческой заинтересованности там не возникает, аудитория слишком мала, есть законодательные ограничения в отношении размещающейся рекламы и т.д. Если бы не государственный или муниципальный заказ в этой сфере — такой продукции не было бы в принципе.



представление о жизни за текущую неделю. А все остальные деловые «глянцы» — по возможности.

— **Как ты считаешь, СМИ сегодня помогают создавать гражданское общество или скорее запутывают, зомбируют его?**

— СМИ точно не мешают, поддерживают возникающие общественные движения. Скажем, Химкинский лес — если бы не СМИ, эффект от этих акций не был бы столь силен. Сколь угодно можно уповать на блогосферу, но только с помощью СМИ такие темы становятся достоянием всего общества вплоть до таёжных посёлков. СМИ — место, где любая общественная инициатива может себя презентовать.

— **Происходит множество мелких и ценных вещей, которых СМИ в упор не видит...**

— Здесь и проявляется настоящая журналистская школа, а с этим у нас проблема. Мы уже говорили о том, что до 2005 года рынок рос очень сильно: за счёт корпоративных войн, когда СМИ возникали как инструменты корпоративного оружия; политические баталии финансово и организационно подпитывали эту среду. Рос рекламный рынок, а СМИ были носителями рекламы. И если в советские времена требовалось пройти по ступенькам карьерной лестницы, где на каждой тобой кто-то потихоньку занимается, осуществляет наставничество, то здесь, условно говоря, на улице поймали щенка-дворняжку и говорят: ты будешь овчаркой — опытной, заслуженной, с десяти медалями.. Человек учился неизвестно чему, но вроде «а» и «б» сложить может — ему в руки микрофон...

— **То есть сейчас, с сокращением рынка, можно ждать более качественной журналистики?**

— Хороший вопрос. Но за минувшие десятилетия в профессии пришло много странных и случайных людей, с невысоким уровнем жизненного опыта и мастерства, что не есть хорошо для профессии, как и бойкость на язык. За это время сформировалось некое представление о качестве СМИ внутри профессии — сильно сниженное. С учётом того, что и общество не очень-то рассчитывает на журналистику, мне кажется, нет особых причин ждать каких-то заметных перемен к лучшему.

— **Почему у «плохого» контента (криминал, боевик, детектив) рейтинг выше?**

— Это глобальное заблуждение всего общества. Просто негативную информацию, происшествия, ужастики с точки зрения исполнительского мастерства делать намного проще. Найти радостный пример и без слащавости об этом рассказать — сложнее, надо иметь талант. А профессиональное мастерство в дефиците. Поэтому все идут по простому пути.

— **Какие ещё институты формируют гражданское общество и какие у них возможности для взаимодействия с масс-медиа?**

— Пока только власть формирует, потому что объективно заинтересована в том, чтобы гражданское общество в стране появилось.

— **Зачем это власти?**

— Чтобы не одной отвечать за то, что происходит на белом свете. К тому же власть опасается, что если вариться внутри себя, сложно отличить истинные ориентиры от ложных. В здоровом оппоненте любой нормальный человек заинтересован. Сейчас блогосфера, кажется, становится таким институтом, который помогает формировать гражданское общество. Её давление очень сильно — вроде бы это виртуальная среда, но если в ней уже несколько миллионов человек, если это будоражит умы, то это уже серьёзно.

Кстати, убежден, что блогосфера — феномен именно журналистский. Во-первых, там очень много людей из этой профессии. Во-вторых, и те, кто принадлежит к другой профессиональной среде, в блогосфере реализует себя именно журналистскими средствами. Если относиться к этому только как к инструменту коммуникации, то блоггеров сложно отличить от людей, которые, скажем, много разговаривают по телефону.

Железный век красноярской медиакратии

Найти оптимистов в сегодняшнем журналистском сообществе Красноярья практически невозможно. Общим местом стали рассуждения о том, что нынче на берегах Енисея и читать, и смотреть, и слушать практически нечего. Это мнение, конечно, можно (и нужно!) оспаривать.

Однако в сегодняшней атмосфере и вправду разлито ощущение того, что золотые времена краевой журналистики миновали безвозвратно. Падает доверие к СМИ со стороны общества, летит в тартарары престижность некогда популярной профессии, целые журналистские коллективы оказываются на улице, впереди мрак и неизвестность... И дело здесь не только и не столько в неблагоприятных тенденциях последних лет. Кризис отечественной журналистики стал очевиден задолго до цунами экономического катаклизма 2008-2009 годов, который лишь обострил болячки региональной медиainдустрии.

Когда начинаешь исследовать историю болезни, то неизбежно приходишь к выводу, что российская «четвёртая власть», сбросившая в начале девяностых годов прошлого столетия тяжкие оковы цензуры и партийного контроля, не выдержала искушения свободой. Независимость была благополучно конвертирована в материальные блага. Золотой телец в очередной раз показал свою недюжинную силу. Немногие могикане, сумевшие сохранить наивную веру в идеалы чистой журналистики, вызывают сегодня сочувствие...

Возникает логичный вопрос: насколько закономерным было наступление нынешнего железного века красноярской медиакратии? И что ждёт краевые СМИ завтра?

Под знаком романтизма

Медийное поле в крае начало меняться ещё в конце восьмидесятых годов. Застрельщиком перемен выступил легендарный «Красноярский комсомолец» во главе с Людмилой БАТЫНСКОЙ. Журналисты «КК» смогли достичь умопомрачительных тиражей под двести тысяч экземпляров благодаря ставке на модное тогда «срывание всех и всяческих масок». Но не только любовь к сенсационным темам и бойкая подача материала помогли «КК» снискать популярность у читателей. В одном месте и в одно время собралось целое созвездие талантливых журналистов, имена которых наверняка войдут в историю красноярских печатных СМИ — Игорь РУДИК, Золик МИЛЬМАН, Виктор МЕЛЬНИК, Татьяна БОЧАРОВА, Евгений ЛАТЫШЕВ...

Ветры горбачёвской перестройки разрушили классическую советскую медиа-дихотомию, состоявшую из двух печатных органов — партийного и комсомольского. В самый разгар перемен в крае появились «Красноярская газета», «Свой голос» и «Вечерний Красноярск». Эти издания были детьми ещё советской эпохи — они создавались не ради получения прибыли, а для решения идеологических задач. Именно с противостояния национал-патриотической «Красноярской газеты» Олега ПАЩЕНКО и ультра-либерал-демократического «Своего голоса» Ирины ЛУСНИКОВОЙ началась в крае эпоха информационных войн, которая, с небольшими перерывами, продолжается и по сей день. Правда, и участники военных действий сменились, и причины сегодняшних битв стали другими: сражаются нынче не за высокие идеалы, а за деловые интересы своих хозяев, как, например, в недавней войне между краевыми СМИ, обслуживающими империи олигархов ПОТАНИНА и ДЕРИПАСКИ...

В 1991 году начались перемены и в электронных СМИ края. Появилась первая частная телекомпания «Прима-ТВ» и первая независимая радиокompания «Местное время». То был период политического романтизма



и профессионального дилетантизма. Ребята, которые работали в этих СМИ, мало что умели, но энтузиазм и искренняя вера в то, что они поднимают медийную целину Красноярья, искупали их тогдашнее любительство.

Немного позже, вместе с началом губернаторства Валерия ЗУБОВА в Красноярске появились медийные проекты, которые впервые недвусмысленно поставили бизнес-интересы выше политики. В печатных СМИ выразителями такого подхода стали «Комок» и «Сегодняшняя газета», в радиоэфире — «Автордио», в телепространстве — «Афонтово» и ТВК. Павла ЛОСКУТОВА, Александра НЕПОМНЯЩЕГО, Олега ТИХОМИРОВА, Александра КАРПОВА и Ирину ДОЛГУШИНУ объединяло понимание того, что новая капиталистическая эпоха даёт отличные возможности

Война — наша мать!

Глядя с высоты сегодняшнего дня на историю красноярской журналистики после развала СССР, обнаруживаешь, что появление новых стратегических трендов в краевых СМИ чётко связано с переменами на региональном политическом Олимпе. Ничего удивительного — власть и СМИ в нашей стране давно слились в удивительном симбиозе, и кардинальные изменения в политической системе неизбежно аукаются в масс-медиа. Тем более, Красноярскому краю везло на незаурядных губернаторов.

Можно по-разному относиться к Александру ЛЕБЕДЮ, но вряд ли кто-то будет спорить с тем, что пришествие генерал-губернатора на берега Енисея стало сильнейшим катализатором для развития краевых СМИ. Внимание всего мира к титанической фигуре Лебеда заставило и местную (особенно политическую) журналистику расти в ускоренном темпе. Провинциальные одёжки оказались нам тесны. Именно в те годы красноярская журналистика стала лучшей в Сибири. На вершине популярности были издания, в которых политические обозреватели играли первую скрипку: «Комок» и «СГ», краевые вкладки федеральных брендов «АиФ на Енисее» и «МК в Красноярске»...



не только для журналистского самовыражения, но и для получения прибыли. Впервые в этих медиа-проектах рекламные службы стали полноценными структурными подразделениями, оказывающими влияние, в том числе, и на редакционную политику.

В те годы рекламного пирога хватало на всех, а конкуренция была настоящим драйвером и для роста профессионального мастерства, и для внедрения новых медийных форматов и жанров. Журналистское сообщество тогда ещё не погрязло в дрязгах. До сих пор не без ностальгии вспоминаются дни российской печати в Доме учителя в середине девяностых годов, уютная душевная атмосфера которых, увы, уже вряд ли когда-нибудь повторится. Переломным для красноярской журналистики стал 1998 год.

Звёздный час переживала и телевизионная журналистика. На дрожжах войны, развернувшейся между сторонниками губернатора и «нашими», росли рейтинги ТВК и Афонтово. Это был, пожалуй, единственный период в красноярской истории, когда СМИ могли, не без гордости, называть себя «четвёртой властью». В иные моменты казалось, что медиакратия подменяла и власть № 1. Закономерно, что в 2001 году депутатами ЗС стали сразу пять журналистов: Марина ДОБРОВОЛЬСКАЯ, Вадим ВОСТРОВ, Олег ПАЩЕНКО, Сергей КИМ и Алексей КЛЕШКО. Они смогли успешно конвертировать свои заслуги на медийно-политическом фронте в депутатские мандаты. Трое из этого «отряда» и ныне принимают законы в стенах парламента...

Однако обратной стороной войны стал раскол в журналист-

ском сообществе. Ещё во время губернаторской кампании 1998 года в регионе стали выстраиваться блоки СМИ, стоявшие на антагонистических позициях, которые в последующее четвёрхлетие проявили себя во всей красе. Канонада в информационном пространстве не прекращалась ни на один день. Апофеозом войны стали выборы-2002. Журналисты беззастенчиво поливали друг друга, обвиняя во всех грехах. Опять же — на кону были большие деньги. Но выборные деньги оказались с ядовитой начинкой: многие медийные начальники, «подсев на иглу» выборов, так и не смогли слезть с неё с наступлением эпохи торжествующей «вертикали власти».

Вопросы без ответов

Если говорить о главном итоге губернаторства Александра ХЛОПОНИНА для красноярских СМИ, то, безусловно, им стал реванш государства в этой сфере. Удивительно, как без особых усилий оно вновь стало главным дирижёром информационных процессов в регионе. Недолго местная медиакратия носила корону независимости. При этом не было никаких жёстких, репрессивных мер, никаких гонений — всё шло цивилизованно, через рыночные механизмы.

приравнять... к «историческим памятникам»!

Но самой яркой иллюстрацией нового положения вещей стало принятие осенью прошлого года краевого закона об экономической поддержке СМИ. Власть решила с помощью грантов поддерживать журналистские коллективы. На эти цели в этом году из краевого бюджета были выделены сотни миллионов рублей. За госзаказом и грантами выстроилась целая очередь из некогда «гордых и независимых» СМИ. «Sic transit gloria mundi».

СПРАВКА

На 1 сентября 2010 года в Красноярском крае, по данным Роскомнадзора, насчитывалось 1096 СМИ. Из них:
>> 38 вещательных телекомпаний;
>> 283 электронных СМИ, включающих радиостанции и студии-продакшн;
>> 795 краевых печатных изданий;
>> 18 информационных агентств.
За первые восемь месяцев этого года в крае появилось 40 новых СМИ.

Впрочем, трудно вынести однозначный вердикт тем процессам, которые развивались в краевых СМИ в хлопонинскую эпоху. С одной стороны, было бы несправедливо отрицать усилия власти в воссоздании единого информационного пространства региона, которое рухнуло в девяностые годы. Можно обзывать телекомпанию «Енисей-регион» и газету «Наш Красноярский край» официальными и обвинять их в том, что они процветают благодаря налогоплательщикам. Тем не менее, для сотен тысяч наших земляков в провинции именно эти СМИ стали главным источником получения информации о жизни не только столицы края, но и других муниципальных образований Красноярья. Политический и психологический эффект от их работы куда шире простого информирования населения о неких общественно-политических событиях.

С другой стороны, в последние годы стали очевидны и негативные тренды, самым грозным проявлением которых стало закрытие знаковых для края СМИ — «Красноярского комсомольца» и «Комка», а также телекомпания «Афонтово». Истории их угасания разные, однако стоит заметить, что это не просто случайные фиаско отдельных проектов. Это тревожные звоночки для всех, работающих в медийной сфере. Интернет уже сейчас вытесняет на обочину бумажные газеты, а «цифра» убивает традиционное ТВ.

Показательна в этом смысле история телекомпания «Афонтово», которая стала жертвой не только неверной бизнес-модели, но и грядущей массовой «цифровизации» телевизионного пространства страны. По нынешним правилам игры выгодна эта глобальная реформа, в первую очередь, государственным СМИ, всем остальным придётся или найти немалые деньги на попадание в коммерческие мультиплексы... или умереть (см. авторитетные мнения). Речь идёт не только о нынешних грандах краевого телерынка, но и о муниципальных телекомпаниях, которым, похоже, придётся для спасения своих проектов в ближайшие годы влиться в состав «Енисей-региона».

Ближайшее десятилетие станет для красноярских СМИ сложнейшим тестом на выживаемость и на способность вписаться в новые форматы и стандарты информационной эпохи. Выживут далеко не все. На плаву останутся только те, кто уже сегодня задумался о своём будущем.

Александр ЧЕРНЯВСКИЙ

Авторитетное мнение

Василий НЕЛЮБИН, председатель краевого союза журналистов РФ, директор филиала ВГТРК — ГТРК «Красноярск»:

— Сегодня красноярские региональные телеканалы балансируют на грани рентабельности. Рекламный телевизионный рынок давно не растёт, денег здесь максимум на четыре-пять компаний, а количество продавцов эфира в два раза больше. На данный момент стратегически не понятна судьба всех региональных телекомпаний без исключения. Федеральная целевая программа предусматривает до 2015 года перейти на цифровое телерадиовещание. При этом нужно понимать, что как только «цифра» покроет всю территорию страны, аналоговое вещание будет свернуто. А это значит, что все региональные каналы встанут перед выбором: либо начать вещать в цифровом формате в составе коммерческого мультиплекса, либо... попрощаться со своими телезрителями.

Алексей КЛЕШКО, вице-спикер Законодательного Собрания Красноярского края:

— Краевые власти стремятся привлечь внимание Федерации на то, что нужны технологические инструменты, чтобы при переходе на цифровое вещание через мультиплексы сохранить региональный аспект телевидения. А самому медийному сообществу нужно ответить на вопрос: каким должно быть в условиях цифровизации региональное ТВ? Мы боремся не за то, чтобы осталась нынешняя модель распространения сигнала, а за то, чтобы в общем процессе учитывались и наши интересы. Всё равно потребуетсмя смена форматов вещания, и региональные СМИ должны быть готовы работать на новой технологической платформе, на новых принципах. Время меняется, и остаться во вчерашнем дне не получится, даже под лозунгом сохранения информационного пространства.

Осторожно, СМИ!

(Окончание. Начало на стр.6)

Виртуальный конкурент

Комарицын: На сегодняшний день единственный инструмент гражданского общества в области СМИ — это Интернет. Пресса, ни электронная, ни печатная, этим инструментом не является.

Палиева: Англичане надеются, Сергей Гурьевич, что им будут подавать не только кофе и овсянку, но и газету с утра. Традиционное всё останется.

Комарицын: У них традиция совершенно другая. В США в графствах у газет (это по-нашему районки) тиражи по 300 000. У них федеральных газет нет. Кроме USA Today — искусственной газеты. Но все региональные — тиражные. В Европе также привыкли читать одну-две газеты.

Мы используем одинаковые слова: выборы, партия, пресса, но у нас это совсем не то, что есть в Европе. Наши выборы и наши партии, наш парламент — это совсем другое... И наша журналистика. Кстати, я считаю, что огромный вред красноярской журналистике нанесли те каналы, которые с первого курса забирали студентов на телевидение, и у них сразу сносило крышу.

Палиева: Те, кого они брали, сделали прекрасную карьеру журналистскую... Хотя, конечно, коммерциализация вуза не даёт возможности поштудийной подготовки. Когда я пришла в университет, было шесть студентов. А сегодня каждый год мы выпускаем 90 человек.

Исаев: Значит, не умирает профессия. Если великая страна Советский Союз могла обеспечить зарплатой 557 журналистов, то сейчас плохая разваливающаяся Россия только у нас обеспечивает 33 000. И все какой-то хлеб едят, что-то делают.

Комарицын: Лучше бы они этого не делали. У нас перебор бесспорный в городе Красноярске — семь или восемь каналов с местными новостями. Даже в Москве нет такого, и нам не нужно столько.

Зорин: Телевидение, как и бумажная пресса, тоже умирает и теряет аудиторию стремительно.

Комарицын: Очевидно, что аудитория перемещается в Интернет... Нет больше метранпажа.

Конечно, если говорить об объективности — и Интернет покупается, но это уже две разные проблемы. СМИ у нас являются просто инструментом существующей системы, и не важно, принадлежат они олигархам или государству или якобы считаются независимыми. Покажите мне хоть одну независимую газету или агентство. Есть некоторые, от которых ничего не зависит. Но уши из всего торчат.

Многие, наверное, знают Максима ФЕЙТЕЛЬБЕРГА, красноярского журналиста и режиссёра, который работает сейчас в Москве. Он мне написал в «Одноклассниках» по поводу своего фильма «Москва, которую мы потеряли». Он сделал его 5 лет назад, но фильм запретили, он не мог появиться тогда. Но как только начали мочить ЛУЖКОВА, фильм показали. Максим пишет: слушай, как противно, что меня используют в этой антилужковской кампании. Хотя сам фильм хороший. То же по ЛУКАШЕНКО. НТВ — это телевидение, напрямую независимое, но совершенно понятно,

что это инструмент государственной политики. Глупости, которые они делают, это глупости, которые делают в Кремле. Такие СМИ никаким инструментом гражданского общества не являются.

Всё, что было когда-то завоевано ценой распада Советского Союза, всё это потеряно — нет выборов губернаторов, глав местного самоуправления, нет самой свободной прессы, которая была при Горбачёве.

Что дальше будет со СМИ — это проблема больше технологическая. И проблема вымирания некоторых поколений — мы ещё будем цепляться за бумажные носители, а те, кто живёт только в Интернете, уже не читают газет.

Болотов: Хоть Сергей Гурьевич и говорит, что нет независимых СМИ, я, пожалуй, ляпнул бы, что мы независимы. Объясню, что я понимаю под независимостью. Есть три позиции: зависимость от государства, когда пресса открыто говорит, что существует на государственные деньги. Есть большие корпорации, те самые олигархи. Третья позиция — работа с коммерческим рынком рекламы, то есть если ты хочешь сказать хоть что-то сам и свободно, научись зарабатывать деньги. И это зарабатывание на клиентах даёт возможность в другой части издания говорить независимые вещи.

Жигалова: Зарабатывать — это размещать баннер, или размещать идеологические материалы под видом новостей? Например, ещё несколько лет назад на нашем телевидении существовало негласное правило: новости — позиция непродаваемая. Но так как именно сюжет в новостях — самая востребованная часть эфира, то каналы идут навстречу пожеланиям рекламодателей и ...продают?

Болотов: Здесь могут быть крайности. Первая — когда есть жёсткая стена между рекламным отделом и редакцией. То есть рекламный отдел продаёт площади издания и не ходит к журналистам, которые пишут, что хотят. Конечно, через эту стену всё равно что-то перетекает, так как мы вынуждены фильтровать разговор о своих клиентах.

Другая крайняя позиция — когда продаётся всё. Не выходит номер, пока не продана последняя запятая. Первую позицию пытались реализовать в «Деловом квартале» (это екатеринбургский холдинг, они независимы в Красноярске). Из изданий, которые продаются на корню, уже можно назвать умерших — допустим, «Экономическое обозрение» или «Миллион».

Мы, естественно, зарабатываем. Собственник, редактор всегда знает, где в изданиях джинсы, где прямая реклама, где независимый материал. Балансируем на этой грани...

Жигалова: Как отличить, если я обычный читатель...

Болотов: Люди всегда будут думать, что это джинсы, даже если написано не за деньги.

Зорин: А нужна ли самому конечному потребителю объективная информация? В нашей стране очень любят бесплатное, за тот же софт мы не очень-то хотим платить. При этом произ-

водство информации каких-то денег стоит, и если нет рекламы, то хотя бы с помощью подписки это нужно окупать. А у нас не так много людей, которые за информацию готовы платить. И это в целом мировая тенденция. Из действительно объективных агентств можно, наверное, назвать агентство Reuters. Но стоимость подписки такова, что обычному человеку просто не потребуется эта объективная информация.

Болотов: Давайте ближе к Красноярску. Никогда подписка у нас не окупит зарплату персонала. Экономика наших региональных изданий, к сожалению, такова, что, не получая субсидий государства, не заключив большой рекламный контракт с какой-то партнёрской конторой, мы просто не выживем. Я ещё раз повторю: хочешь говорить свободно — научись зарабатывать деньги.

Комарицын: Себестоимость — одна из причин, почему старая пресса уходит. Интернет — это оптимизация. И, кстати, там есть интерактивность, возможность высказаться всем, кто этого хочет, сразу и мгновенно. В этом смысле Интернет значительно объективней, чем другие СМИ. С другой стороны — так ли это? Одно агентство проанализировало все упоминания «Единой России» в блогах и на форумах. 97% — критические высказывания. В жизни же мы видим совершенно другое — половина населения голосует за эту партию. То есть, казалось бы, вот свобода и объективность; но это не отражение того, что есть в реальности.

Палиева: Общество живёт само по себе, а сообщество тем более.

Резюме

Комарицын: Говорить отдельно об институте СМИ, об объективности, непроданности и коррупционности невозможно вне контекста всей общественно-политической ситуации, которая есть. Как невозможен коммунизм в отдельно взятой квартире, так же не может быть свободных, некоррумпированных СМИ в несвободном, коррумпированном обществе. С чего власть и СМИ должны бороться с коррупцией, если они в этом участвуют и сами коррупционны?

Сейчас политические решения становятся всё жёстче, и как следствие — все эти потери былых завоеваний. Например, теперь уже наш земляк, житель Красноярского края, Михаил ПРОХОРОВ предлагает сделать 12-часовой рабочий день. Два века назад воевали за 8-часовой, теперь вновь людей воспринимают лишь в качестве рабов. Налицо отсутствие какой-либо общественной дискуссии, политических партий, прав на референдум, которые у нас отняли, хотя это напрямую противоречит Конституции. Имеющийся институт средств массовой информации соответствует этому порядку. И в ближайшее время он вряд ли будет инструментом демократии, свободы и т.д. — тем, что понималось под прессой раньше.

Буренко: У меня впечатление, что всё не так плохо. На своем опыте работы в Фанпарке убедилась, что вполне возможно выстроить нормальные, конструктивные отношения с большинством СМИ города и края в формате публицити. Сначала у них было отношение: вы дайте денег, тогда мы про вас хорошо

напишем. Но когда удалось доказать, что Фанпарк может быть поставщиком качественных новостей, оперативной информации, возникли нормальные рабочие отношения. Поэтому считаю, что СМИ — всё же рабочий, необходимый обществу инструмент. Газеты, телеканалы, Интернет-сайты остаются площадками для обсуждения различных, в том числе «горячих» для власти или общества тем. И это вызывает интерес: не просто обсуждение в блогах (как на кухне), а предоставление аналитики, разбор полётов, обсуждение позиций разных сторон. Я считаю, что журналистская профессия не умирает, а трансформируется.

Хлебников: Мы достаточно активно сотрудничаем с Гражданской ассамблеей Красноярского края. Участвуем в совещаниях, выездных заседаниях, рабочих группах. Недавно позволили оттуда и попросили сделать подборку материалов, которые выходили о них в нашей газете в течение года. Оказывалось, они проводят конкурс на лучший материал. Я спросил: «А заявок много?». Человек грустно рассмеялся: «Вы единственные, кто о нашей работе пишет». Это показатель желания большинства СМИ освещать эту тему.

Жигалова: Рынок СМИ меняется, скукоживается как шагреньевая кожа, но неоднородно. Печатные СМИ практически не в состоянии выжить без внешней поддержки. Цифровое вещание вытесняет аналоговое. Интернет берёт на себя информирующую функцию. Все эти изменения закономерны, но неизменным должно оставаться одно — работа на читателя. Информирование, осмысление проблем, а не манипулирование в пользу того, кто в состоянии заплатить за это. Мне безумно симпатичны СМИ, которые придерживаются взвешенной позиции. Пусть они критикуют мою любимую организацию, но пусть это будет без продажного надрыва. Я, как представитель пресс-службы, была бы рада общаться и на острые темы, если журналист готов и хочет сказать правду. Очень хотелось бы, чтобы профессиональный стержень у представителей наших СМИ остался.

Зорин: Он останется, потому что журналисты уже чувствуют конкуренцию со стороны тех же блоггеров. Для районных и городских СМИ уже встал вопрос о выживании — либо меняться как-то и действительно взвешенно освещать разные позиции, либо отмирать за ненадобностью.

Палиева: Журналистика, безусловно, меняется, трансформируется. Всегда останется и информационная часть, и средство информации, но сама журналистика больше становится средством коммуникации. И лично меня это радует. Ещё 15 лет назад, когда я создавала кафедр, то понимала, что учить надо коммуникативной культуре, её действительно не достаёт.

Сергей Гурьевич молодец со своей прямолинейностью; когда он приходит на встречи со студентами, у нас ажиотаж. Например, был разговор на тему: чем отличается пиарщик от журналиста? Студентов поразили его слова: «Пиарщики признаются, что служат хозяину и говорят неправду, а журналисты говорят, что пишут правду, но на самом деле тоже врут». У него конечно, крайняя позиция, но она тоже нужна, чтобы разгля-

деть болячки. В целом ситуация не такая ужасная — просто надо развиваться. Шесть лет назад в МГУ на конференции перед преподавателями выступал специалист по цифре и сказал: «Имейте в виду, что всё, чему вы учились и учите, завтра уже никому не понадобится». Его спросили, а чему же учить? И он ответил: «Это никому не известно». И добавил: «Развивайте общие творческие способности — креативные люди понадобятся везде». Поэтому наша задача традиционная: готовить интересных ребят — читающих, грамотных, интересующихся, ничего не боящихся, знающих языки. Пусть креативные люди — это 10 из 100. Но и не надо всех делать креативными. Я верю в самоорганизацию такой сложной системы, как общество. А мы должны успевать за технологическими изменениями и быть на полшага впереди. Думаю, скоро мы будем говорить не просто журналист, а «медиа-специалист» с широким профилем, способный работать в любом месте.

Болотов: Не надо иметь иллюзий по поводу Интернета — он не будет строить никакое гражданское общество хотя бы потому, что он очень разный. Он будет таким, какие люди туда придут. Там есть и умные, и честные, хотя пока гораздо больше сумасшедших, выплеск которых часто воспринимается за некую правду и построение гражданского общества. По поводу блоггов я бы тоже иллюзий не строил, потому что субъективизм, заложенный в блоге изначально, в принципе отличается от журналистской работы с информацией. Блоггер никогда не будет работать с фактом, как журналист, и пытаться найти объективную точку зрения.

Что касается выбивания денег из пресс-служб... На самом деле, если они знают, чем запенить СМИ, всегда смогут получить материал и без денег. То, что для этого «необходимо» — эксклюзив, фактаж, быстрый комментарий, способность ответить на любые поставленные вопросы — будет, кстати, и читателям интересно.

Для той журналистики, которой я занимаюсь, креативность, как её сейчас принято понимать, не нужна. Нужны аналитическое мышление, общая эрудированность, способность делать самостоятельные выводы и трудолюбие. Такие студенты были и есть, они прекрасно работают в СМИ после вуза.

Исаев: Сергей Гурьевич со свойственным ему оптимизмом обрисовал прекрасную картину апокалипсиса. Хочется напомнить, что мы живём давно и помним другие апокалипсисы. Кто, в конце концов, вытащил из них общество, и страну, и либеральную нашу демократию? Это были именно журналисты, публицисты, статьями которых вся страна зачитывалась... Сейчас нам, может, повезло, а может — нет, что у нас сильная власть. А будет когда-то слабая, и тогда всё изменится, и нужно быть готовым нашему журналистскому сообществу снова обратиться к обществу со своими идеями, ценностями, призывами. А пока ситуация не позволяет — поступать так, как все гениальные люди: Дали уехал в Америку зарабатывать деньги, а потом вернулся и делал всё, что хотел. И мы знаем не того Дали, который рисовал в Америке портреты на заказ, а того, кто в своё удовольствие говорил правду об искусстве.

СФ

Сергей КОМАРИЦЫН



Ярослава ЖИГАЛОВА



Зинаида ПАЛИЕВА



Кирилл ЗОРИН



Филантропия по-российски

В августе этого года мир облетела весть о том, что 38 богатых американцев готовы пожертвовать половину своих капиталов на благотворительность. Напомним, что авторами проекта «Клятва дарения» являются инвестор Уоррен Баффет и создатель корпорации Microsoft Билл Гейтс.

Известно, что сейчас в США около 400 миллиардеров. Хотя меценатство и приветствуется во всём мире и является признаком высочайшего статуса — раздаются голоса, подвергающие сомнению подобные щедрые жесты.

В упомянутом списке «Клятва дарения» нет самого богатого человека мира мексиканца Карлоса Слима (53,5 миллиарда долларов). Он высказывается против призыва Гейтса и Баффета и поясняет это в прессе так: «Жертвовать половину состояния на благотворительность — это, по меньшей мере, абсурдно. Никто не может с уверенностью сказать, что эти средства будут израсходованы должным образом теми людьми, в чьи руки они попадут. Я прекрасно понимаю стремление состоятельных людей содействовать решению серьёзных социальных проблем, но не таким образом. Деньги должны выделяться под значимые социальные программы, и за их реализацию должны отвечать конкретные и компетентные люди». Кстати, корреспондент «Би-би-си» в Нью-Йорке указывал на то, что «филантропия» сверхбогатых американцев — отдавать деньги на благотворительные цели, а не налоговому ведомству — дорого обходится казне.

Самые богатые россияне из списка «Форбс» пока не спешат жертвовать свои миллиарды. О причинах этого мы беседуем с кандидатом экономических наук, доцентом кафедры индустриальной экономики и экономики труда Института экономики, управления и природопользования СФУ Людмилой Константиновной ВИТКОВСКОЙ.

СПРАВКА

В феврале 2010 года «Российская газета» приводила такие сведения: «... за прошлый кризисный год в России стало в полтора раза больше долларовых миллиардеров. В списке богатейших — 500 фамилий. Миллиардеров среди них — 77 человек, а за год до этого их было 49. Чтобы попасть в первую десятку, надо иметь не меньше десяти миллиардов долларов». Эксперты объясняют рост численности миллиардеров огромным спекулятивным ростом на фондовом рынке и накачкой финансовой системы бюджетными деньгами.

Когда сытый голодного разумеет...

— Людмила Константиновна, специалисты утверждают, что такого разрыва в доходах между богатыми и бедными, как в России, нет ни в одной цивилизованной стране. Тем не менее пышно расцвета меценатства мы не наблюдаем...

— Да, вы совершенно правы. В статистике на основе сопоставления совокупных доходов богатых и бедных рассчитывается так называемый коэффициент фондов. Начиная с 90-х годов значение этого показателя увеличивается, в 2008 г. он равен 16,9; безусловно, это свидетельствует о растущей дифференциации населения по уровню дохода.

Что касается благотворительности, — она по своему определению не может быть выгодной, в основе её лежит желание помочь ближнему без малейшего расчёта на вознаграждение. Следовательно, благотворительность (филантропия) — не является делом бизнеса. Если ею занимается бизнес, то это приводит к снижению его эффективности.

В этой связи хотелось бы упомянуть другое понятие — социальная ответственность бизнеса, или как сейчас чаще её называют корпоративная социальная ответственность (КСО). В академических кругах её определяют



с помощью так называемой «пирамиды Керролла». Согласно её логике, компании, прежде всего, должны быть ориентированы на получение прибыли — это их экономическая ответственность. Далее — должны исполнять законы, действовать по правилам, выплачивать налоги — правовая ответственность. Быть этичными в своих операциях, принимать во внимание соответствующие стандарты — этическая ответственность. Ориентироваться на ожидания местных сообществ, повышать качество жизни населения — филантропическая ответственность. Таким образом, есть определённая последовательность, этапы развития социальной ответственности бизнеса.

Понятно, что российский бизнес имеет сравнительно недолгую историю, и ожидать от него точно таких же моделей поведения, которые распространены на Западе, нельзя. Хотя ведущие российские компании активно накапливают собственный опыт ведения корпоративной социальной деятельности.

В частности, на территории Красноярского края работают такие компании, как СУЭК, Русал, Норникель и др., которые в последнее время формируют и публикуют нефинансовые отчёты, где отражаются результаты деятельности в области развития персонала, реализации социальных программ, программ по поддержке взаимодействия с местным сообществом, освещается решение экологических проблем.

Таким образом, повышается узнаваемость компании, формируется её положительный имидж. Подготовка и публикация нефинансовых отчётов (компании их размещают в Интернете) рассматриваются как элемент расширяющей практики бизнеса в области социальной ответственности. По данным консалтинговых фирм, в 2010 г. в мире будет опубликовано уже около 4000 таких отчётов, что превосходит показатели 2000 г. более чем в 4 раза. Это свидетельствует о том, что КСО постепенно проходит путь от управленческой «экзотики» глобальных корпораций до стандартных процедур, внедряемых и используемых во всём мире фирмами разных размеров и форм собственности.

Ещё раз хотелось бы разграничить понятия благотворительность и социальная ответственность бизнеса. Благотворительность больше связана с личными мотивами, её направленность, как правило, соответствует интересам (спорт, искусство, культура и т.п.) конкретного лица — бизнесмена, предпринимателя, топ-менеджера. А социальная ответственность интегрируется в корпоративную стратегию, означает переход к идеологии социальных инвестиций, отвечающих долгосрочным интересам и общества, и бизнеса.

Благотворительность с отсрочкой

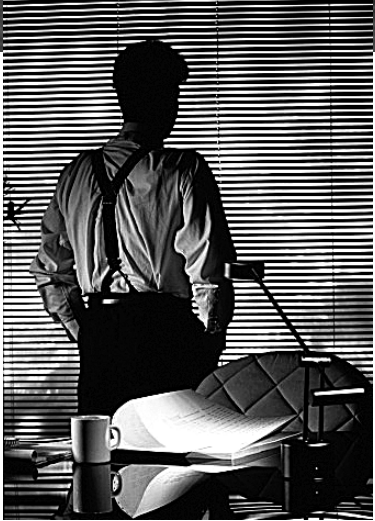
Ценность бизнеса для общества состоит в создаваемом им богатстве и предоставляемых рабочих местах, а также в товарах и услугах, предлагаемых потребителям по разумным ценам, соизмеримым с качеством. Для производства данной ценности бизнес обязан под-

держивать свою собственную экономическую состоятельность, однако выживание не является достаточной целью для бизнеса. Будучи ответственными гражданами локального, национального, регионального и глобального сообществ, предприятия должны вносить вклад в развитие этих сообществ.

В качестве заинтересованных сторон выступают не только акционеры (собственники) и работники, но и поставщики, конкуренты, потребители, представители местного сообщества, органы власти, группы защиты прав потребителей, защитники окружающей среды и даже СМИ. Таким образом, формируется новый взгляд на фирму, охватывающий все группы индивидумов, играющих важную роль в формировании её делового успеха. Солидные фирмы Америки, Японии, Европы достаточно активны в реализации практики взаимодействия с заинтересованными сторонами, а что касается России, то это пока, к сожалению, лишь отдельные примеры.

— Но всё-таки, почему?

— Бизнес новейшей России ещё молод. Да, может быть, он сопоставим с западным с точки зрения накопленных активов, но сам процесс накопления происходил и происходит по-разному. Следовательно, отличаются и модели поведения. Недаром в нашем обществе мы достаточно часто сталкиваемся с отрицательным отношением к бизнесу,



когда заинтересованные стороны предъявляют завышенные ожидания, а российский бизнес практически не реагирует на них.

— Что вы имеете в виду?

— Довольно широко распространено в обществе осуждение успешных и богатых. Вот, мол, на яхте развлекается, с жиру бесится, а почему не поделится? Есть мнение, что, поскольку ситуация в России недостаточно стабильна, бизнес не ориентирован в своём развитии на инвестирование средств в долгосрочную перспективу.

Но, я думаю, ситуация постепенно меняется к лучшему, о чём свидетельствуют ставшие практикой регулярными встречи власти и бизнеса, когда за стол переговоров садятся президент России или председатель правительства с одной стороны и представители крупного бизнеса — с другой.

— А если бы в России была создана благоприятная система налоговых и иных послаблений для предпринимателей, вкладывающих деньги в социальные проекты?

— Вопрос заключается не в том, почему нет льгот, а насколько правомерно наличие тех или иных льгот. Средства для реализации социальных проектов можно рассматривать не как выведенные из бизнеса, а как социальные инвестиции.

В самом широком смысле слова, инвестиции — это вложения в объекты предпринимательской и иной деятельности в целях получения прибыли или иного полезного эффекта. Необходимо заметить, что эффект от вложений не обязательно должен быть сиюминутным. С этой точки зрения социальные инвестиции — это вложения в социальную сферу с целью получения дохода и повышения уровня и качества жизни людей. Надо только отличать социальную и экономическую эффективность проектов.

Социальная отдача имеет достаточно большой лаг (результат отложен во времени), и если бизнес ориентирован только на сиюминутный эффект, то о социальных инвестициях не может быть и речи. И, наоборот, устойчивое развитие предполагает заботу бизнеса о работниках, формирование благоприятного окружения. В этом случае социальные инвестиции становятся выгодны как самому

бизнесу, так и обществу и государству, приобретает форму социального партнёрства, создают более благоприятные условия для жизнедеятельности бизнеса. Например, проведение конкурсов молодёжных проектов — развитие творческого потенциала и формирование активной жизненной позиции — можно рассматривать как вложения в развитие будущей рабочей силы. Реализация спортивных проектов — вложения в укрепление здоровья и физической подготовки работников.

Особенность нынешнего этапа развития российского бизнеса отмечается в докладе о социальных инвестициях в России, подготовленном по инициативе Ассоциации менеджеров: «Структура социальных инвестиций преимущественно ориентирована на «внутренних» стейкхолдеров, прежде всего на персонал, в противовес «внешним» заинтересованным сторонам».

Хотя есть и другие примеры: программа развития материально-технической базы физкультуры и спорта г. Норильска на 2007-2010 гг. (ГМК «Норильский никель»), благотворительная программа «Новый день» («Росбанк»), Корпоративный медицинский центр, «Зелёный дозор» (РУСАЛ) и др.

— По существующему закону «О рекламе» СМИ не имеют права информировать общество о благотворительных ак-

циях бизнеса. К тому же СМИ — это те же коммерческие структуры...

— Безусловно, благотворительность и меценатство определённым образом связаны с формированием PR-политики компании, её имиджа. Но это не реклама как таковая, скорее они даже не должны быть связаны с рекламой. А информирование сообщества о добрых делах компании, как мне кажется, должно происходить при реализации конкретных социальных проектов, программ, проведении мероприятий. Таким образом, не только общество будет информировано, но и сформируется благоприятная для бизнеса среда.

— Некоторые критики считают, что для обеспечения социально ответственного поведения компаний обязательное государственное и международное регулирование лучше, чем добровольные меры. Каково ваше мнение на этот счёт?

— Я считаю, что сопоставлять такое регулирование с добровольными акциями компаний не совсем правомерно. Бизнес по определению не может насильно, по указке государства, жертвовать деньги, потому что он предполагает прибыль. В противном случае он просто перестанет существовать. Должно сформироваться чёткое понимание, что реализация принципов социальной ответственности является неотъемлемой частью формирования стратегии компании и выгодна бизнесу.

Развитие корпоративной социальной ответственности в России проходило в три этапа: с 1991 по 1998 год — реструктуризация социальной инфраструктуры компаний в ходе приватизации, возрождение традиций благотворительности и меценатства; с 1999 по 2002 — постепенный переход от разовой помощи физическим лицам и организациям к финансированию целенаправленных программ; формирование представлений о корпоративной социальной ответственности в деловой среде; с 2003 по 2006 — начало социального инвестирования; развитие корпоративных и частных фондов; привлечение некоммерческих организаций к реализации корпоративных программ.

В этом процессе было два переломных момента. Первый произошёл в 1998 году, когда вследствие дефолта российские компании резко сократили вложения в социальную сферу, столь же значительно возросло их внимание к эффективности своих вложений. Второй переломный момент случился в 2003 году: на фоне значительного ослабления диалога бизнеса и власти деловое сообщество публично заявило о своём стремлении быть социально ответственным. Инициативы бизнеса, в частности, по добровольной социальной отчётности, были поддержаны организациями гражданского общества.

Сегодня практически все крупные и большинство средних российских компаний реализуют различные социальные и благотворительные программы. Объёмы затрат на благотворительность могут достигать весьма значительных сумм — от 3% до 14% заявляемой прибыли.

— Помните современную мультиверсию сказки «Илья Муромец и Соловей-разбойник»? Там царь говорит: «Ну, Илюша, вы с Бизнесом (слон) вперёд ступайте, а я тыл прикрывать буду...». Правомерно ли то, что государство пытается переложить на бизнес часть своей ответственности, взять хотя бы проект «Сколково»?

— Одной из целей создания инновационного проекта «Сколково» является установление цивилизованных каналов для коммуникации науки и бизнеса. Бизнес в данном случае является одной из заинтересованных сторон, поэтому его участие в этом проекте с точки зрения софинансирования вполне правомерно. Государство со своей стороны тоже участвует в финансировании проекта (50 на 50), и, кроме этого, принят закон, согласно которому «Сколково» — это зона налоговых, таможенных и прочих льгот для участников проекта. Таким образом, государство осуществляет дополнительную поддержку заинтересованности бизнеса.

Наталья КУЗНЕЦОВА

«Он уже сидел и должен был к этому привыкнуть...»

Юридическая клиника: как вылечить общество?

Недавно мать моей подруги, немощная старушка, столкнулась с неразрешимой, на первый взгляд, проблемой: её жалоба на соседей-беспредельщиков утонула в бюрократической волоките коммунальщиков. Бабушка, отчаявшись ходить по инстанциям, обратилась в Юридическую клинику Юридического института СФУ. Оттуда приехал молодой энергичный парень, студент-юрист. Он выслушал старушку и помог ей правильно оформить документы, с которыми потом поехал по инстанциям (сама-то заявительница ходит с трудом). Студент проник во все кабинеты, куда до этого старушку просто не пускали, скоординировал действия всех структур, вместе с бабушкой они выработали стратегию действий. Но самое главное — затяжному делу был дан, наконец, законный ход.

Вот так на практике формируется в России гражданское общество, которое есть не что иное, как общество, в котором граждане могут и умеют отстаивать свои права. Тем самым укрепляя основы государства. Поэтому что гражданское общество возможно только в правовом государстве — в государстве, в котором закон превыше всего. В становлении такого общества никак не обойтись без помощи людей, которые профессионально работают с законами. Без юристов. И не простых наёмников-законников, которые за деньги готовы оправдать и доказать, что угодно. Но юристов, которые ясно осознают свою роль в обществе. Воспринимают свою профессию как служение. И готовы помогать людям бесплатно — просто для того, чтобы восторжествовал закон.

О том, в каком обществе мы живём и есть ли свет в конце тоннеля, говорят сегодня люди, имеющие самое непосредственное отношение к Юридической клинике.

Илья ШЕВЧЕНКО,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса СФУ, руководитель Юридической клиники

— Клиника как подразделение СФУ существует два года. Но работала она и до этого. С чего всё началось?

— С 1998 года клиника работала как общественная приёмная. Александр Соломонович ГОРЕЛИК узнал о группе студентов-юристов, которые нашли полуподвальное помещение и там бесплатно консультировали людей. Он спросил, зачем им это нужно. Они ему объяснили, что через некоторое время им выходить «в практику», а практических знаний недостаточно. И вот они решили, пока ещё студенты, на бесплатных делах набраться опыта. Александр Соломонович в то время был приглашен на стажировку в Америку; там как раз рассказывали про американские юридические клиники, где студенты также оказывают помощь малоимущим. По аналогии наша общественная приемная тоже стала называться клиникой. И потом, уже в 2001 году группа инициативных студентов решила организовать подобную здесь, в нашем институте. Произошло такое соединение клиники Александра Соломоновича с той, которая создавалась здесь.

История нашей клиники, можно сказать, правозащитная, ведь она начинала действовать при правозащитной организации. Горелик занимался делами осуждённых: работал над исправлением ошибок, которые допускают суды, и в рамках закона помогал осуждённым обратиться в нужную инстанцию, для того, чтобы суд пересмотрел дело.

— Ваши клиенты — кто они?

— У нас две общественные приёмные, в которых студенты старших курсов оказывают бесплатную юридическую помощь гражданам. Бесплатную, потому что некоторые не в состоянии обратиться к платному юристу по разным причинам: кто-то в силу недоверия, кто-то из-за нехватки денег или иной трудной жизненной ситуации. Приёмные работают пять-шесть дней в неделю. Студенты дежурят по два часа, специальные графики у нас вывешены в Интернете — когда кто дежурит. А наши клиенты — это, как правило, бабушки, дедушки. Скажем так, чтобы не обидеть, — социально незащищённые граждане.

— Успевают студенты и учиться, и работать?

— У меня была студентка (сейчас она выпустилась, работает юристом) — она вела одновременно восемь бесплатных процессов. Я её спрашивал, почему ты так много ведёшь, как ты успеваешь ещё и учиться? Она отвечала: «Я не могу им отказать, ведь людям помощь нужна!». Вот это в контексте создания гражданского общества очень важно — социальная ответственность будущего юриста. Это важно, потому что когда такой бывший студент становится чиновником или судьёй, или адвокатом, — он будет работать качественно, потому что не может делать свою работу плохо. Каждый стажёр прикреплен к куратору — специальному преподавателю, который не просто помогает студенту в первый год работы, но и отвечает за его профессиональный рост, развитие. Он удерживает контекст, чтобы в глазах студента клиент не перестал быть человеком. Нужно понимать, что от действий сту-



дента клиники иногда зависит даже судьба клиента, потому что, допустим, если он потеряет квартиру... В этом случае я студентам говорю: «Вы поедете вечером домой спать, а он поедет на вокзал, потому что ему жить больше нигде».

— Какие виды помощи вы оказываете?

— Во-первых, это консультирование. Далее оказывается помощь по составлению юридических документов, потому что консультациями очень редко дело ограничивается. Чаще всего клиенту нужен иск в суд или возражение, или жалоба. В некоторых случаях у нас студенты старших курсов с клиентами идут в суд, и есть немало выигранных дел, причём довольно непростых. На сайте Юридического института, кстати, есть рубрика «Клиника начинает и выигрывает», там можно посмотреть.

По словам Ильи Александровича, в клинику приходит всё меньше студентов. И хотя пока претендентов хватает, тенденция налицо. Отчего это происходит — можно только предполагать. Специалисты-психологи утверждают, что мотивация студентов к обучению в последние годы резко упала. Кроме того, сегодняшний первокурсник психологически младше первокурсника 15-летней давности, поэтому принять решение работать в клинике — а это существенная нагрузка дополнительно к учёбе — может только человек с сильной волей и чёткой мотивацией. За его карьеру, по словам педагогов, можно не бояться.

Ну, и ещё, разумеется, встречаются студенты, которые говорят, что не будут работать за бесплатно, что, конечно, звучит странно. На Западе, например, где профессия юриста котируется чрезвычайно высоко, студенты часто начинают с бесплатной практики, чтобы заработать имя и опыт — технология ведения дел ведь по сути одинакова: что у бабушки, что у бизнесмена.

Анатолий БАРАБАШ,
доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, сотрудник Красноярского краевого общественного комитета по защите прав человека

— Анатолий Сергеевич, что способствует построению гражданского общества, и есть ли оно у нас?

— Мне кажется, что о гражданском обществе у нас вообще нет оснований говорить. Отдельные институты общественной самостоятельности, безусловно, создаются, и что-то они пытаются сделать. Но ведь гражданское общество — это не просто существование каких-то общественных объединений, которые преследуют в данном случае неполитические цели. Это определённая схема отношений между этими общественными институтами и органами государства. Я полагаю, о гражданском обществе можно будет говорить только тогда, когда органы государства будут поставлены под контроль общественных институтов. Когда это наступит — я не знаю. Но сейчас такого нет, это я знаю точно. Потому что та деятельность, которой я занимаюсь, связана с необходимостью обращения в прокуратуру, в следственное управление, в другие правоохранительные органы, и я постоянно сталкиваюсь с противодействием. То есть мои аргументы зачастую просто отменяют, принимают решения, и всё. Потом, кем себя чувствует человек в присутственных местах? Хозяином или букашкой?

— Букашкой, конечно.

— А это недопустимо для гражданского общества! При общей пассивности российских граждан в создании общественных институтов, контролирующих государственные органы, государство само пытается построить гражданское общество — создаёт Общественную палату, выделяет гранты на правозащитную деятельность. И в этом парадокс российской жизни. Гражданское общество в принципе не может быть создано государством, на то несколько причин. Главная — государственный аппарат должен служить общественным интересам, выразителем которого является гражданское общество. Готовы ли российская власть на подобное самоограничение? Риторический вопрос. Следующая причина — созданные и существующие на деньги государства общественные организации не могут выражать общественные интересы, они их и не представляют. А если попробуют, где гарантия, что они будут после этого существовать? Ещё один риторический вопрос.



Идёт приём в Юридической клинике СФУ



Активность граждан, осознание ими общности интересов, понимание того, что органы государственной власти — средство реализации этих интересов, приведёт к консолидации общественных сил, к построению гражданского общества.

— Чем вам приходится заниматься в комитете по защите прав человека?

— Одно из направлений деятельности комитета — оказание помощи жертвам незаконного физического и психического насилия (пытки), которые были применены к ним сотрудниками правоохранительных органов. Как правило, незаконное насилие применяют оперативные сотрудники для получения признательных показаний. Дело в том, что без оперативного сопровождения следователь работать не может. А оперативное сопровождение осуществляет орган дознания, потому что необходим поиск источников информации, это достаточно сложная работа. Профессионал не будет прибегать к пыткам, быют непрофессионалы, не имеющие соответствующих навыков. В этой ситуации следователи Следственного комитета оказываются в одной связке с органами дознания. И те, и другие отвечают за раскрываемость, и если следователь при получении жалобы на пытки начинает работать по закону, это основание для конфликта с сотрудниками оперативных подразделений. Поэтому нам зачастую просто-напросто отказывают в возбуждении уголовного дела. То есть не нам, а нашим клиентам, которые пришли к нам, не найдя перед этим поддержки ни в прокуратуре, ни в суде. И мы пытаемся добиться того, чтобы дело было возбуждено и ему дали законный ход. Не всегда это получается, но кое-что всё-таки удаётся. Работаю я в этом направлении с 2003 года, за это время у нас было в производстве 137 жалоб.

— Я так поняла, что комитет пересекается в своей деятельности с Юридической клиникой?

— Наш комитет — организация необычная. Вот есть клиника в институте и комитет, основной костяк которого составляют

преподаватели нашей кафедры. Так получилось. Работаем мы в тесной связке со студентами. Для них это очень хорошая практика. Такая связка клиники и комитета позволяет нам решать две очень важные задачи. Первая — это, конечно, помощь гражданам; а вторая — подготовка будущих юристов на конкретном, живом материале. За все годы работы, в рамках данного направления, я подготовил где-то пять студентов, за качество и нравственную основу которых у меня нет никаких опасений. Это настоящие профессионалы. Моя работа со студентами на протяжении определённого времени, когда о каждом человеке накапливается информация, позволяет понять — готов ли он быть юристом, готов он служить людям, или он будет служить себе.

— Расскажите о случаях, когда вам удалось восстановить справедливость, добиться компенсации для жертв произвола органов внутренних дел?

— За последних три года нам удалось добиться присуждения компенсации заявителем на общую сумму 230 000 рублей. Это по пяти делам. Кроме того, за эти три года, при активном участии сотрудников нашей организации, к уголовной ответственности привлечены несколько сотрудников милиции и один следователь прокуратуры. Вот, например, по делу М. мы смогли добиться не только крупной суммы компенсации за вред, причинённый незаконными действиями сотрудников милиции, но и того, что виновные в избиении получили реальный срок лишения свободы... Краткая фабула: два сотрудника милиции приехали задерживать сына, который жил вместе с родителями, — великовозрастный оболтус, ранее сидевший. Когда родители попробовали воспрепятствовать задержанию сына, сотрудники стали их бить, выволокли на улицу и там ещё поддали. Попало, конечно, и молодому человеку. Нам удалось получить компенсацию по этому делу — 125 000 рублей за моральный вред, который был причинён действиями сотрудников милиции. При этом отцу присудили 50 тысяч, матери — тоже 50, а сыну — 25, хотя ему досталось больше всех. Мотивировка у судьи была очень интересная: «Он уже сидел и должен был к этому привыкнуть».

И вот свежее совсем решение Страсбургского суда по жалобе гражданина Ш. Мы работали и работаем по его жалобе, которая поступила к нам ещё в 2006 году. Этот человек претерпел от правоохранительных органов и от нашего правосудия очень много. Его за насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетнего осудили по 132 статье. Он отбыл три года и три месяца, добился пересмотра своего дела. И суд вынес оправдательный приговор. Сотрудники нашего комитета помогли ему с оформлением жалобы в Страсбургский суд, потому что здесь мы до сих пор не можем добиться возбуждения дела в отношении тех сотрудников милиции, которые били его и принудили признаться в том, чего он не делал.

— Не было оснований, чтобы его задерживать?

— Нет, не было оснований задерживать его и привлекать в качестве обвиняемого. А сама по себе статья не очень хорошая для мест не столь отдалённых, и сидящие там люди своеобразно относятся к тем, кто сидит за изнасилование, за развратные действия. Мы у Ш. не выясняли, каково ему было сидеть, но пришлось ему несладко. Так вот, в сентябре этого года Страсбургский суд присудил ему компенсацию за моральный вред в 27 000 евро. По этому материалу мы всё ещё продолжаем работать. Для нас это серьёзный успех — для комитета и клиники. Я полагаю, что если это решение Страсбургского суда останется в силе, то нам удастся добиться возбуждения уголовного дела. Пока Россия, насколько мне известно, это решение обжаловала.

Елена НИКИТИНСКАЯ

Фото — Н. ЛИТВИНОВОЙ

Колумбы российской ювеналистики

Правосудие в России отличается невниманием к нуждам жертв преступлений. По мнению многих специалистов, жертвам преступлений наносится двойной ущерб: во-первых, от самого преступления, а во-вторых, от карательного способа организации правосудия, где на первом месте — не проблемы жертвы, а наказание за нарушение законов государства. Кто будет задумываться о потерпевшем, если важно в первую очередь доказать вину и определить наказание виновному, чем исключительно и занимается правосудие?

По приглашению Юридического института (и при содействии Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности) этой осенью в СФУ проводил лекции-семинары президент Межрегионального общественного центра «Судебно-правовая реформа», председатель Всероссийской ассоциации восстановительной медиации Рустем МАКСУДОВ. С ним встретился наш корреспондент.

— **Рустем Рамзиевич, разработка восстановительного подхода к ситуациям правонарушений и конфликтов с участием несовершеннолетних началась в России в 1998 году. Разве не было прежде судебных тяжб с участием несовершеннолетних? Почему только теперь регионы начинают проводить соответствующие эксперименты?**

— С одной стороны, это элемент гражданского общества. Ну, знали раньше, что насилие в семье — и бог с ним! Потом появились женщины, которые озаботились этой проблемой, создали общественные организации. Правозащитники стали трубить повсюду о беспределе в тюрьмах, про пытки, которые учиняют в милиции и т.д. Благодаря активистам от ответственности появился резонанс. Также с ювенальной юстицией: она стала сферой влияния государственных средств — и сразу появилось много людей, которые считают себя «друзьями» ювенальной юстиции, чтобы пораспределять эти государственные вложения...

— **Как-то это очень горько прозвучало... Как вы считаете, нужен ли России закон «О ювенальных судах»?**

— Я считаю, что закон такой не нужен пока. Сначала необходимо нарабатывать региональный опыт, региональные модели. Дальше надо понять, что мешает состояться этим моделям, обобщить и только тогда принять законопроект на основе практики. А законов, которые не исполняются в нашей стране, и без того хватает — зачем ещё плодить..

— **Опыт других государств показывает, что вполне можно обойтись и без закона о ювенальной юстиции. Может быть, России стоит перенять опыт той же Великобритании?**

— Я твёрдый сторонник того, что никакой опыт слепо за-

имствовать не удастся — у нас своя страна, свой менталитет. Например, на флаге ювенальной юстиции Великобритании написано: «Восстановительное правосудие». Надо сначала проанализировать этот опыт, а то на флаге-то можно что угодно написать... Нужно понять, что происходит в разных странах, посмотреть тенденции процесса. Чем мы, собственно, постоянно занимаемся. В Великобритании действуют суды магистратов — это аналог ювенальных судов. Я там встречался с судьёй магистрата, которая является директором школы в отставке, кстати — не юрист. Но у неё есть клерки юристы, которые помогают осуществлять правосудие, и она рассматривает дела несовершеннолетних.

В Великобритании есть команды по работе с правонарушителями или преступлениями несовершеннолетних. Заметьте: с правонарушителями, а не с правонарушителями! Указанные группы работают в отдельном офисе — там есть междисциплинарная команда специалистов, которая разбирает каждый случай и устраивает так называемые «панельные встречи», похожие немного на программы восстановительного правосудия. В группе — медик, педагог, психолог, собираются и свои рекомендации дают, а если нужно, то и судебное решение принимают. Если же нет ситуации с потерпевшим, то решают вопросы о возмещении вреда. Это тоже интересный опыт.

Мне довелось побывать в Новой Зеландии. Там все дела, кроме умышленных и неумышленных убийств, направляются на «семейные конференции».

Если говорить о маори — коренном населении страны, то это такая большая встреча в их общинном доме, где собираются все родственники и представители клана маори, потерпевшие, представитель полиции, адвокат. Ведёт эту встречу координатор от комитета по делам молодёжи. Семейная конференция вырабатывает план для работы с конкретной ситуацией. Сейчас в мире наблюдается просто какое-то паломничество — все стремится изучать опыт семейных конференций.

— **На семинаре вы всё время говорили про систему, а иллюстрации приводили частного порядка: вот, мол, нашли девочек, они жили на кладбище... мы с ними стали работать. А можете проиллюстрировать работу системы?**

— Упомянутый вами пример как раз и есть наша инновация. Эти девочки не отправились в колонию и больше не крали и не безобразничали. Заметьте: мы стали заниматься их устройством, а не социальные работники, ни инспекторы комитетов по делам несовершеннолетних...

— **Значит для того, чтобы этим заниматься, нужна какая-то другая структура: не социальные работники, не центры психологические, не педагоги?**



ДОСЬЕ

Максудов Рустем Рамзиевич родился в 1959 г. В 1982 г. закончил Казанский государственный университет по специальности «История». Работал в области изучения криминальных группировок молодёжи. С 1994 по 1996 — участник мероприятий отдела по судебной реформе и судопроизводству Администрации Президента России, связанных с продвижением судебной реформы в России. С 1997 г. участвует в продвижении идеи и технологии восстановительного правосудия в России. Практикующий ведущий в программах примирения жертвы и правонарушителя. Тренер в области подготовки ведущих таких программ, а также специалистов в области ювенальной юстиции. Автор более 100 работ по проблемам восстановительного правосудия и ювенальной юстиции.

— **Вовсе не так. Вы знаете, что за люди были матросами у Колумба? Приговорённые к смерти преступники! То есть чтобы открыть Америку, нужны такие выродки, которые этот путь бы проделали. Нужны люди — маргиналы, которые не вписались нигде и начали новый путь строить: но не колготками торговать, не в бизнес идти, а в сферу оказания помощи таким же заблудшим душам...**

— **Получается, что возглавляемая вами Ассоциация восстановительной медиации всей своей деятельностью показывает новые пути, и этот опыт потом будет передан социальным работникам или в психологические центры?**

— Мы действительно сотрудничаем с психологическими центрами, где создаём службы примирения, которые становятся содержательным, организационным и методическим ядром и устраивают работу на территориях. Ни на минуту не прекращаем работать с детьми и семьями. Причём осваиваем всё новые программы. Одна из таких программ «Крути сообщество»; в каждом круге, как правило, участвуют около 30 человек.

Сейчас осваиваем семейные конференции, которые могут проводиться как по ситуациям преступления, так и для профилактики социального сиротства. Мы преподаём у социальных педагогов и надеемся, что они продолжат благое дело.

— **Сейчас готовится законопроект «О полиции». Учитывает ли он специфику восстановительного подхода?**

— У нас так устроена система, что если принимается закон, то он принимается в интересах определённых ведомств. Концепции нет. В целом все мои коллеги говорят, что этот законопроект ухудшает ситуацию с правами человека, но улучшает положение милиционеров, которые получают больше полномочий без правовых механизмов. Возникает масса вопросов: например, нужно ли выделять инспекцию

по делам несовершеннолетних как отдельную службу, должна ли она подчиняться РОВД или вообще быть независимой? Много непонятных моментов... Нет сопровождающего пакета документов о внесении изменений в такой-то и такой-то закон в связи с принятием закона «О полиции»...

— **В ходе семинара вы сказали, что сегодня проблема ещё и в том, что нет концептуальных исследований западных моделей ювенальной юстиции. Почему?**

— Есть исследования, которые показывают: ура, ура! Как хорошо работает модель! Но нет исследований, которые бы продемонстрировали диалектичность всего: да, есть достижения, но есть и проблемы... Только при таком аналитическом раскладе мы смогли бы понять всю полноту, многосторонность, многоаспектность процесса. Пусть дураки учатся на своих ошибках, но мы-то не должны наступать на те же грабли.

— **Вы приводили статистику: 1/4 решений судов с участием несовершеннолетних заканчиваются примирением сторон. Что из этого следует?**

— Судьи утверждают, что 3-5% детей всё равно будут преступниками, но мы никогда не узнаем, кто именно... Поэтому работать нужно с каждым несовершеннолетним персонально. Всякий раз приходится изобретать какие-то уникальные вещи... Я лично работал с мальчиком, который совершил второе преступление на десятый день после первого условного приговора. Вопрос решался о направлении его сначала в центр временной изоляции несовершеннолетних, потом в СИЗО и дальше. С перевесом в один голос удалось избежать такой несладкой участи. Мы взяли этого подростка под своё крыло, полгода с ним работали. Когда стали разбираться в сути произошедшего, выяснилось, что семья подростка алкоголизирована, улица для него — дом родной, а поскольку у мальчика «золотые» руки, он

вскрывал машины, в форточках лез и т.д. Беседуя с Ваней, я понял, что тот совершил преступление, чтобы возвыситься в глазах сверстников. Дальше я собрал его друзей и спросил: удалось ли ему повысить свой статус в их глазах? Те говорят: «Никакого авторитета». Когда я своему подопечному их мнение передал, он впервые почесал затылок и задумался. Каждый раз надо понять смысл ситуации, в которой человек находится. Для этого хорошо бы достигнуть такого контакта, чтобы он впустил в свою душу...

— **А были случаи, когда вы работали с подопечными и не смогли их направить на путь истинный?..**

— К сожалению, были. Мы анализировали каждый случай отказа от медиации и со стороны потерпевших, и со стороны правонарушителей. Но и в случае отказов продолжали свою линию — проводили программы примирения, семейные конференции, изобретали всё новые и новые конструкции.

— **А каковы мотивы отказа?**

— Как ни странно — нежелание нести реальную ответственность. Потому что уголовная ответственность — это как раз отрицание ответственности. По нашему мнению, ответственность заключается в заглаживании вреда перед потерпевшим.

— **Приходилось ли вашей организации сталкиваться с противодействием властных структур, правоохранительных органов?**

— Да, заместитель генерального прокурора РФ в 2005 году сказал, что наша деятельность незаконна. Написал соответствующее письмо и разослал его по всем прокуратурам. Но нас спасло то, что суды отреагировали отрицательно на это письмо, и мы смогли продолжить работу...

Виктория ДМИТРИЕВА

СПРАВКА

По законодательству РФ уголовные дела по не тяжким статьям могут быть прекращены за примирением сторон. Однако в отличие от многих зарубежных государств процедура примирения по уголовным делам не конкретизирована, а самое главное, в России почти нет специалистов-медиаторов, которые могли бы профессионально осуществлять примирительное посредничество. Именно таких специалистов собирается готовить Юридический институт СФУ. Рустем МАКСУДОВ, а также его коллега Антон КОНОВАЛОВ («Школьные службы примирения») уже дважды (в октябре и ноябре) провели в СФУ соответствующие семинары и тренинги. Обучение на тренинах «Восстановительная медиация» прошли 48, а по программе «Круги сообществ» 36 слушателей. В их числе студенты, работники судов, комиссий по делам несовершеннолетних, социальные работники, психологи из городов края от Норильска до Минусинска. В декабре уроки мастерства получат ещё около 30 специалистов.

МЕСТО ВСТРЕЧИ

Полигон для профессионального

Я лечу в Калининград на третий Международный молодёжный семинар «Медиаполигон», вышедший «из народа» и поддержанный одним из лучших журналов в России — «Русским репортёром». Хороший пример того, как общество может само организовывать профессиональный рост без помощи государства.

«От нормальных людей мы отличаемся тем, что нам ужасно скучно встречаться просто так (выпить водки, построить глазки девушкам/юношам, рассказать дюжину анекдотов). Наше общение должно носить смысл и для нас самих, и для общества в целом», — написал в своём ЖЖ

Григорий ТАРАСЕВИЧ, редактор отдела науки «РР» и главный идеолог «Медиаполигона» после первого старта — семинара в Белгороде. Идея принадлежит студентам Белгородского государственного университета, которые звали в Белгород около 60 человек плюс журналистов «РР», разработали темы материалов и по итогам семинара выпустили pdf-журнал «100 часов». Дальше — больше!

Калининград принимал у себя уже более 120 человек и группу профессиональных журналистов, которые за неделю исследовали анклав вширь и вглубь, побывали и на улицах города, и под землёй, и на море. От участников требовалось только купить билет до Калининграда, заполнить анкету, запастись энтузиазмом, знаниями по выбранной теме и едой. Всё

остальное лежало на плечах организаторов. В этом году дирижировал процессом Роман РОМАНОВСКИЙ — выпускник РГУ им. Канта и в хорошем смысле — журналист-фанатик. Рому удалось расспросить о том, как он соотносит журналистику с гражданским обществом и что думает о «Медиаполигоне»:

— В моём понимании журналистика должна, прежде всего, исследовать, предоставлять объективную информацию, — Рома не привык давать интервью, но вопросы не сбивают его с толку. — Наши читатели — огромное гражданское общество, на которое нашей работой можно влиять если не напрямую, то косвенно. Ведь благодаря серьёзной профессиональной работе как раз могут происходить сдвиги и «толчки» в обществе. Человек читает, слушает, смотрит, сам

делает выводы и сам же по необходимости действует.

Для чего в Калининграде создали российскую партию блондинок и что таят в себе подземелья Калининграда, как провозят «контрабас» на границе Россия-Польша, почему балтийская рыба стоит дорого и как в Калининграде возрождается Кенигсберг, — на эти и ещё десятки вопросов молодые журналисты пытались ответить, бегая от одного интервью к другому, разбегаясь в законодательстве, выходя в открытое море и просто много работая головой. И если вам кто-то скажет, что нет таких дураков, которые готовы полноценно работать ради получения нового опыта и «сдвига мозгов», не верьте! Таких «дураков» много.

Сегодня они спят по 5 часов и стучат по клавиатуре — завтра

становятся адекватными журналистами, которым не придёт в голову, к примеру, спросить у родственников пострадавших «что вы чувствуете?», а у звезды шоу-бизнеса — «как стать звездой?». Может, эти амбициозные попытки профессионалов научить молодых журналистов работать с реальностью без иллюзий, а главное — с головой, и есть шаг на пути к здоровому гражданскому обществу.

В последний день «Медиаполигона» мне удалось выловить и Григория Тарасевича, в кулуарах называемого «символом веры». Пока уставшая журналистская братия шагала к общежитию дописывать тексты, дорабатывать фотографии и домонтировать видео, мы немного поговорили о журналистском образовании, гражданском обществе и государстве.

Наука + гражданское хобби

Эпоха «общественных поручений» (которые были у каждого члена советского общества) — давно миновала. И некоторые структуры просто выпали из общественного дискурса — в частности, научные коллективы. Что за люди там работают, какие проблемы обсуждают, как оценивают процессы, происходящие в стране, — никто этого не знает. Хотя некоторые голоса пробиваются, и даже регулярно. Во всяком случае Егора ЗАДЕРЕЕВА (ведущий популярного научного блога, учёный секретарь Института биофизики СО РАН, преподаватель Института фундаментальной биологии и биотехнологии СФУ) специально просить не надо — он и сам выскажется по любому поводу, который его заденет.

— Егор, у вас нет ощущения «задвинутости», малой общественной востребованности учёных (хотя бы — экспертной)?

— Это сложный вопрос. Востребованность любого человека или специалиста определяется как внешним спросом, так и его личной активностью. Да, в период смены формаций, развала Советского Союза и строительства новой страны про учёных, впрочем, как и про врачей, учителей, пенсионеров, много ещё про кого — просто забыли. Но сейчас времена изменились. А многие продолжают жить критериями и понятиями прошлого.

Не далее как два месяца назад я в серьёзном споре сошёлся с учёными высокого ранга. Речь шла о популяризации науки. Не последние в академической иерархии люди вопрошали — как оградить науку от дискредитации?! Причём речь велась в терминах обороны от внешнего враждебного мира. Мой послыл состоял в том, что научное сообщество само отгородилось и устранилось от решения проблем поднятия имиджа и статуса учёного в обществе.

Внешний мир не враждебен. Он просто разный. В нём есть и жёлтая пресса, общение с которой чревато дискредитацией, но есть и отличные журналисты, и заинтересованные люди, и те, кому наука не безразлична. А как загораются глаза школьников, когда им рассказываешь про научные достижения. Я говорю по своему опыту. Попробуйте прийти в любую школу и рассказать на ярких примерах о том, что делается в научных институтах, — школьники будут месяц вспоминать и обсуждать это. Так что вопрос о востребованности любого специалиста я бы в первую очередь адресовал в его сторону.

Если же говорить о том, как учёные и вообще творческие люди воспринимают процессы, происходящие в стране, то на этот вопрос лучше всего ответит статистика. В прошлом году Россия стала третьей страной в мире по числу эмигрантов. Одновременно с этим мы стали вторыми в мире по числу приехавших на работу в Россию. При этом приезжают люди с низкой квалификацией, тогда как выезжает высокообразованная прослойка. Среди студентов, которых я обучаю, каждый год в группе бывает несколько «звёздочек», и почти все эти звёздочки в итоге оказываются как минимум в Москве или Питере, а чаще всего за пределами страны. И в этом их винить сложно. В глобальном мире человек выбирает то место жизни или работы, где он может себя реализовать.

— Ваша собственная активность проявляется в блогосфе-

ре, часто можно встретить ваши суждения на разных форумах. Насколько действительно вы считаете эту сферу? Изменила ли она вашу жизнь и — хотя бы чуть-чуть — жизнь вокруг?

— В последнее время я немного разочаровался в воздействии Интернет-сообщества на происходящие процессы. Да, Интернет, пожалуй, — единственная независимая площадка в России, где представлен весь спектр мнений о путях развития страны и современном состоянии. Но почти все Интернет-сообщества замкнуты на себя. Попав на какой-то форум или сетевой ресурс, очень быстро понимаешь, что число постоянных читателей и активно дебатующих не велико. Часто разные ресурсы имеют почти не пересекающиеся сообщества. Или, наоборот, наиболее активные пользователи отмечаются на всех ресурсах, но в конечном счёте их единицы.

У сторонников «влияния» виртуальной жизни на происходящее вокруг есть свои доводы. Например, в дискуссии с одним из апологетов популярного в России живого журнала я столкнулся с таким утверждением: «Да, в сети активно сидит, продвигает информацию и общается малая часть российского общества, но это наиболее образованная, продвинутая и имеющая влияние на жизнь в стране часть». А я не стал бы преувеличивать это влияние. В качестве примера могу привести не один десяток Интернет-акций по сбору подписей в пользу того или иного решения, и несмотря на иногда тысячи подписей — реальных действий по всем этим акциям не происходило.

Что касается моей научной рубрики в Интернет-газете — мою жизнь она безусловно изменила, как минимум мне приходится больше работать. Касаемо окружающей среды: единственный проект, который перешёл в реальную жизнь — это научное кафе, и тот оказался невостребованным. Точнее не так. Его продвижение требовало слишком больших усилий при минимальном, как мне кажется, воздействии на жизнь вокруг. Судить же о воздействии научной рубрики на умы мне сложно — будем считать, что если научный блог по популярности не на последнем месте в Интернет-газете (а периодически он взмывает в рейтинге блогов до третьего места), значит, его чтение кому-то приносит пользу...

— На что ещё распространяется ваша общественная активность?

— В своё время я участвовал в Координационном совете по делам научной молодёжи при Президенте РФ. Поначалу среди членов Координационного сове-

та царил энтузиазм, готовились докладные записки и проекты различных программ, предлагались реформы. В частности, мы приняли активное участие в разработке регламентов реализации федеральной целевой программы «Кадры». Однако все пожелания и предложения в итоге разбивались о реалии российской жизни (или в министерствах не было достаточного желания изменить текущие правила игры). В результате сейчас, выиграв в этом году конкурс в рамках ФЦП «Кадры», я сталкиваюсь со всем маразмом бюрократической министерской машины.

— Считается, что в России ещё только формируется гражданское общество. Вы тоже согласны с этим мнением? Может ли это объясняться низким уровнем гуманитарных наук?

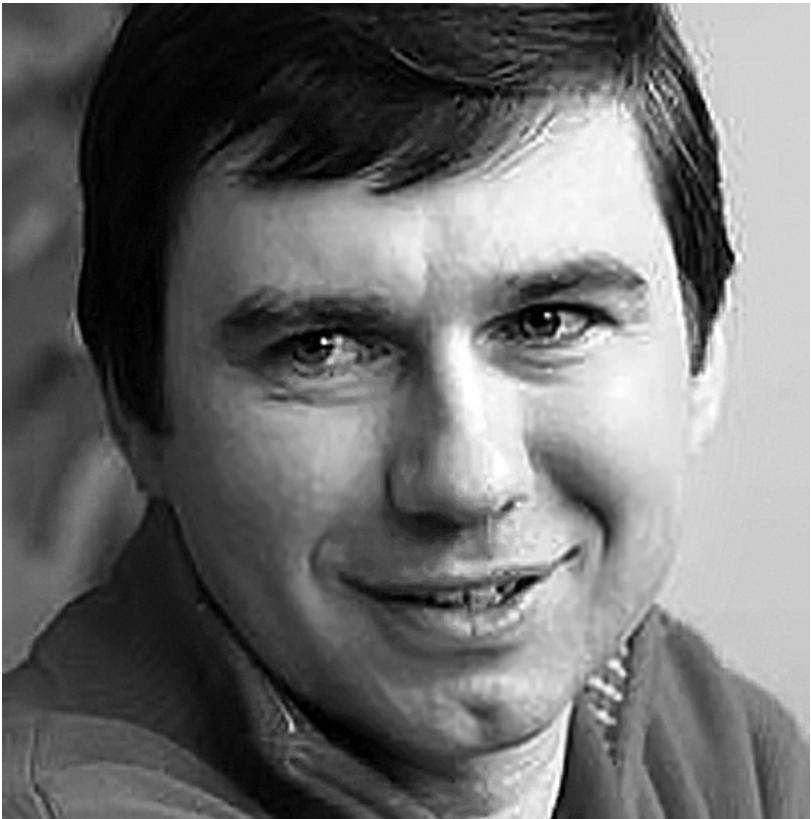
— Скорее низкий уровень развития гуманитарных наук есть следствие текущего уровня развития общества. Долгие годы человек был винтиком машины, и, собственно говоря, исследование его рефлексий, прав или желаний имело мало смысла. К слову, гуманитарные науки во всём мире живут непростой жизнью.

— Не секрет, что на обсуждение некоторых тем существует как бы негласный запрет. Для вас есть такие темы или имена, о которых вы никогда не выскажетесь с критикой — или, наоборот, с одобрением? И о чём такое молчание говорит — это выражение совокупного общественного мнения или внутренняя цензура, которая сидит в головах?

— Внутренняя цензура — вполне нормальное явление, и у любого человека она присутствует. Ключевым является не сам факт наличия самоцензуры, а то, насколько в данном государстве её наличие стимулируется. К примеру, в тоталитарном государстве (фашистская Германия Гитлера, Советский Союз Сталина) самоцензура была необходимым элементом выживания: сказал что-то лишнее — и фактически расстался с жизнью. В свободном обществе самоцензура может базироваться на персональных идейных или нравственных соображениях, но не диктуется внешними условиями.

Сегодня в России ситуация более чем странная — с одной стороны, никаких формальных причин для тотальной самоцензуры нет. Огромное число людей выражают своё мнение свободно в самых крайних формах. С другой стороны, почти все официальные средства массовой информации часто преподносят содержание в формате, остро напоминающем период застоя. Частенько в общении на острые темы с молодыми журналистами или начинающими политиками от них можно услышать фразу: «Мы всё понимаем, но ведь об этом не принято, да и нельзя говорить». А значит, несмотря на все кажущиеся атрибуты демократического общества в России, реальная ситуация такова, что режим самоцензуры для многих включён на полную катушку.

Особенно меня удручает пассивность молодёжи и студентов. Всегда студенчество и академическая среда были источниками вольнодумства — царская Рос-



сия, современная Франция, где студенты первыми выходят на улицы. Когда я два года назад преподавал в Центрально-Европейском университете, там студенты издавали студенческую газету, в которой в самых жёстких тонах обсуждали и политику руководства университета, и учебный процесс.

У нас любые общественные процессы проявляются только в анонимной форме на закрытых форумах. Никаких ярких публичных открытых дискуссий с участием студентов я не наблюдаю. Уж если самая свободолюбивая по своей сути студенческая среда настолько беззуба и пассивна, то чего ожидать от старшего поколения.

— Какой институт формирования гражданского общества на сегодня вы считаете наиболее действенным?

— Большую роль может, должен и на самом деле играет частный капитал. Есть достаточное число проектов, которые реализуются на частные деньги и являются ростками гражданской инициативы. Всем известная в Красноярске ярмарка книжной культуры КРЯКК. За несколько лет она действительно, пусть немного, но изменила культурный ландшафт города. В Москве есть научный фонд «Династия», основанный предпринимателем Дмитрием ЗИМИНЫМ. В числе прочего он финансирует различные виды деятельности, направленные на популяризацию науки. И результаты работы этого фонда на сегодня чуть ли не существеннее всех официальных научно-популярных мероприятий.

В чём причина того, что все эти ростки так и остаются редкими яркими пятнами? Я думаю, мы просто не выросли до гражданского общества. Несколько дней назад я вернулся из Швейцарии — страны народной демократии. Там нет президента в нашем

понимании. По сути страной руководит один из министров. Этих министров чуть больше десятка. И они руководят страной по очереди! При этом каждый кантон (район по-нашему) волен устанавливать собственные подзаконные акты, налоговые режимы и прочее. Любое крупное решение на уровне кантона и страны решается на референдуме. Большинство вопросов решается на уровне муниципалитетов. Как мне сказал один из швейцарских коллег, «мы предпочитаем решать все вопросы на максимально «низком» уровне — там, где они возникают». Как это отлично от нашей вертикали управления, где все решения принимаются «наверху»! И самое эффективное решение любого вопроса — это достучаться до президента или премьера.

Во время экскурсии по Цюриху нас завели на приличных размеров площадь в центре города. Совершенно пустая, на ней стоит несколько скамеек да расчерчена пара огромных шахматных досок, на которых местные жители играют в шахматы. Шахматные фигуры лежат в огромных сколоченных из досок ящиках — открывая, расставляя фигуры и играй. В 50 метрах от площади проходит Банновштрассе, одна из самых дорогих улиц мира, с шикарными торговыми центрами, зданиями крупнейших швейцарских банков. И мы спросили — что это за странная площадь? Оказывается, когда-то на этом месте стоял огромный, построенный Римской империей замок. Но примерно 600 лет назад в Швейцарии произошла революция, и это здание как символ имперской власти снесли. С тех пор на площади ничего не строят, поскольку было решено, что она должна принадлежать людям....

Нашей революции нет и ста лет. Так что, думаю, в своём развитии мы просто ещё не выросли до той степени национального самосознания, когда большинство граждан готовы и сами быть свободными, и позволять быть свободными другим. Революций нам больше не надо, так что будем развиваться эволюционно, хотя, может, это и займёт чуть больше времени. Подождём несколько сотен лет.

СФ

старта

— У меня есть гипотеза, что наше журналистское образование устроено неправильно, — Григорий делает паузу и закуривает. — 5 лет медленной теории литературы и журналистики! Неудивительно, что редакции в один голос говорят: мы готовы брать на работу кого угодно, только не студентов журфака! В «РР» работают 3-4 выпускника журфака, остальные пришли из совсем других профессий. Наш главный редактор, Виталий ЛЕЙБИН, например, молекулярный биолог. Да, есть профессии, в которых нужно работать только профессионалам. Вот вы пойдёте в больницу, где всего два профессиональных медика? Вряд ли. Медициной должны заниматься медики, серьёзными историческими исследованиями — историки. В журналистике всё ровно наоборот. Это

исключение. «Медиаполигон» пытается эту исключительность учесть и развить. А то, что молодые девушки из Сибири тратят месячную зарплату нормальному горожанину, чтобы приехать поработать «в поле» с профессионалами, — это ярче всего говорит о проблемах журфака.

Топлющая поодаль журналистская братия обращается в слух и присоединяется к беседе. Пока не разгорелись дискуссии о факультетах журналистики, спешу спросить, что редактор отдела науки «РР» думает о гражданском обществе:

— К сожалению, россияне, а особенно журналисты, имеют сознание, устроенное следующим образом: «Государство должно сделать», — Тарасевич делает паузу, чтобы слушающие могли переключиться на другую тему.

Если издание правительственное, то государству — «спасибо».

Если оппозиционное — «Куда смотрит государство?». Если издание совсем оппозиционное, то — «Государство сделало специально!». К примеру, глобальное потепление... Но в любом случае объектом критики является государство. Если возникают проблемы, то встаёт вопрос: а как государство их решает?



Гражданское общество — это тип сознания, когда мы понимаем: ну, не решает государство проблемы — и что нам до этого государства? Мы ему налоги заплатили — оно дороги построило, а остальное — мы сами решаем! К проекту «Медиаполигон» государство никак не причастно, и у нас к нему нет претензий. Я категорически против такого пафоса: «Мы делаем такое благое дело ради образования молодёжи, а государство нас не

поддерживает!». Это бред. Наверное, да, можно сказать, что мы, устраивая работы «в полях», исправляем ошибки государства, в какой-то мере даже исторические. Но претензий у нас к нему всё равно нет. Поэтому могу сказать, что да, проект «Медиаполигон» — пример гражданского общества.

Анна МЕРЗЛЯКОВА

Фото предоставлено пресс-службой РГУ им. Канта

Русский Гражданин мира Хлебников

И хлебниковедение как народная инициатива

Рубрику ведёт доктор филологических наук **Т.В. ШМЕЛЁВА**, профессор Новгородского университета им. Я. Мудрого

Этой осенью — 9 ноября (по старому стилю 28 октября) — исполнилось 125 лет со дня рождения ХЛЕБНИКОВА. А через два года (28 июня) исполнится 90 лет с тех пор, как его нет на этом свете.

Надеюсь, что имя Велимир Хлебников вам известно. Имя наполовину обыкновенное (фамилия — из обычных); наполовину им самим придуманное — и до сих пор спорят, как же его писать — Велемир, Велимир или Велимирь. Тех, кто спорит, издаёт его тексты, изучает творчество поэта и его биографию, пишет о нём, — объединяет **хлебниковедение**.

Понятно, что его главная задача — определить место Хлебникова в русской культуре. Для этого надо было издать его тексты и включить их в поле понимания современников. Объяснить множество текстов: им свойственна «пленительная неясность», как сказал поэт М. РЫЛЬСКИЙ. А это связано и с тем, что Хлебников был великий экспериментатор — он искал свой собственный ни на кого не похожий

путь не только в поэзии, но в самом языке — список слов, которые им придуманы, поражает воображение. Он как будто снял ржавчину с пружин славянского языкотворчества: от одного только глагола *быть* в будущем времени сотворил *будетлян* и ещё — *будесников*, *будеса* и *будьбу*. Ему казались лишними заёмные слова — и *университету* он предпочитал — *всеучище*, *манифесту* — *кричаль*. Он ощущал недосказанности русского языка и договаривал: должна быть *лгавда*, если есть *правда*; *мучоба* — если есть *учёба*; *мыслево* — если есть *кружево*.

Хотя Хлебников притягивает внимание поэтов, филологов, математиков, философов, мне хотелось бы, чтобы рядом с термином *хлебниковедение* стояло имя лингвиста, не только защищавшего поэта от ниспровергателей, но и показавшего, что правдивая история русской поэзии без Хлебникова — невозможна. Потому что он — её удивительное, загадочное и вдохновляющее явление. Это имя — Виктор Петрович ГРИГОРЬЕВ, великий хлебниковед, хотя сам он предпочитал говорить о **велимироведении**. Это из его книг я взяла словесные творения Хлебникова, он принимал участие в издании тома стихотворных, прозаических и драматургических текстов поэта с названием «Творения», пытал-

ся объяснить, в чём же феномен хлебниковской поэзии.

Летом мне случилось убедиться, что хлебниковедение — занятие не только филологическое или поэтическое, но народное. Дату смерти поэта вот уже 25 лет отмечают в деревне Ручьи неподалеку от посёлка Крёстцы, что в Новгородской области. Там он был похоронен в 1922 году.

Хотя поэта, о котором вспоминали в 60-е, перезахоронили в Москве, ручьёвцы помнят и берегут его первую могилу. Над ней шумят сосны и стоит трогательный памятник известному скульптору Вячеслава КЛЫКОВА. Короля поэзии украшает корона — и только. В нескольких шагах похоронена Евдокия Лукинична СТЕПАНОВА, которая присматривала за могилой поэта до 1998 (!) года — заодно с могилой своего мужа, который ухаживал за умиравшим поэтом и сам умер через несколько лет.

Печальные обстоятельства и сделали ручьёвцев хлебниковедами. Школьники читают стихи, рассказывают об экспонатах скромного музея — понятно, что этим занимаются учителя и библиотекари. Власти организуют встречу гостей — мы-то приехали на университетском автобусе и уехали, а москвичи, питерцы, гости из Калмыкии (там чтут место рождения поэта) — их надо встретить, поселить, привести/привезти...

Власти гордятся тем, что в этом году удалось открыть памятный знак — на повороте в деревню Санталово, в которой умер Хлебников. Деревни этой уже нет — есть место на лесной дороге, откуда поворачивали к ней. По этому пути Велимиру пришлось пройти и проехать на телеге не один раз. Глава района обращался ко всем по-хлебниковски — «Дорогие будетляне!» и говорил о своей мечте: тут будет тропы поэта — и это её первый знак.

Удивительно, но посещение Чтений оставляет светлое впечатление. И печаль о ранней смерти поэта удивительным образом обращается в отраду от того, как люди, которых связывает с поэтом полтора последних месяца его жизни и смерть, **трудятся** над тем, чтобы память о нём жила. Ведь память рукотворна: надо, чтоб кто-то трудился учить с детьми стихи и биографию поэта, собирал литературу о нём, поддерживал музей и принимал гостей.

Ручьёвцы как бы хотят материализовать строки поэта: именуются «будетлянами» и так же обращаются к гостям, угощают их молоком и хлебом, ведь Хлебников писал:

*Мне мало надо!
Краюшку хлеба
И каплю молока.
Да это небо,
Да эти облака!*



Всё это трогательно и сердечно. И захотелось, вернувшись, не только перечитать тексты Хлебникова и работы о нём (их в совокупности, кстати, называют **хлебниковиана**), но и непременно кому-то рассказать об этом труде — сохранять звучание стихов, говорить о Хлебникове так, как он говорил о себе — Председатель Земного Шара. А это значит — пополнить лексикон интеллигентного человека целым «гнездом» слов — велимироведение, Санталово, Ручьи, Крёстцы, народное хлебниковедение, молоко и хлеб...

На фото: надгробие на могиле Велимира Хлебникова (автор В.Клыков)

МЕСТО ВСТРЕЧИ

Александр СОГОМОНОВ: «Мировой беспорядок — норма XXI века»

Как отмечают социологи, в нынешний век глобализации и всеобщего взаимопроникновения главными конкурентами на международной арене становятся уже не страны и континенты, а отдельные города.

Экономические и политические гиганты мира, университетские городки и наукограды, города-музеи и культурные центры — в 21-м веке успешен будет лишь тот населённый пункт, который смог найти свою, исключительную, нишу. К примеру, Москва, хоть и вошла в тридчатку самых значимых городов планеты (она стоит на 25-м месте), попала в этот список лишь благодаря трём фактам: необычайно высокой численности населения, количеству миллионеров и общей длине линий метро. В действительности эксперты отмечают, что по-настоящему «мировым» способен стать лишь тот город, где есть мультинациональная экономика, международные институты и общины, общемировые культурные центры притяжения. Наличие хотя бы одного из трёх перечисленных факторов открывает городу доступ в «клуб» планетарных игроков.

Горожане обсуждают города

Философия развития и позиционирования современного города стала центральной темой на очередном семинаре «Школы управленческого резерва», прошедшем в стенах Научной библиотеки Сибирского федерального университета. Это событие — логическое продолжение проекта по подготовке резерва управленческих кадров Красноярского края. В марте 2010 года сотрудники краевого бюджетного учреждения «Институт муниципального развития» (бывший «Красноярский центр муниципального развития») начали работу с потенциальными сити-менеджерами для населённых пунктов Красноярского края. Специалисты из разных сфер общества — бизнеса, науки, СМИ, общественных организаций и муниципальных органов — стали участниками семинаров и тренингов под руководством крупнейших российских экспертов. Всё это для того, чтобы в будущем Красноярский

край оказался под руководством команды единомышленников, одинаково видящих векторы развития региона.

Какое будущее ожидает Красноярск? Нужно ли нам стремиться к образу бурлящего мегаполиса или делать ставку на имидж спокойного провинциального города? Эти вопросы участники «Школы управленческого резерва» обсуждали со столичными экспертами, одним из которых был ведущий научный сотрудник Института социологии РАН Александр СОГОМОНОВ.

Красноярск — поисковый город

По словам г-на Согомонова, мир сейчас находится на пороге революции развития городов. Этот процесс начинается и в России. Если в советские времена мы имели жёсткую централизованную систему управления, когда каждый населённый пункт действовал под руководством столицы, сегодня мы приходим к тому, что многие города начинают искать свой образ, свою идею, свою стратегию. При

По словам эксперта, за судьбой нашего города наблюдает вся страна, и от того, как мы будем развиваться в ближайшие десятилетия, зависит прогресс других крупных городов России. При этом развитие рассматривается как повышение качества жизни — не просто улучшение инфраструктуры или строительство новых жилых домов, но создание определённой городской среды, в которой человек чувствует себя комфортно. Согомонов отметил, что каждый регион должен самостоятельно определять показатели «качества жизни», здесь нет универсальных критериев.

Космополисы — глобальные города

Перечень мировых центров глобальной жизни (global city) впервые был составлен в 1998 году британскими исследователями из университета Лоубороу. Они разделили города мирового значения на три группы — альфа, бета и гамма — по их вовлечённости в экономическую, политическую и культурную

поддерживают высокий уровень жизни. Встать в один ряд с этими городами — задача невероятно сложная, так как они образуют своеобразный закрытый «клуб», где каждый участник любым способом старается сохранить за собой статус планетарного игрока.

Помимо мировых «клубов», объединяющих глобальные города-космополисы, существуют муниципальные «клубы» и микросети. Сюда можно отнести города-музеи, культурные центры, нишевые города (курортные, игровые и др.), города знаний (наукограды и университетские городки). Интересно, что в России, где действует около 3000 учреждений высшего образования, нет ни одного университета этого города в полном смысле этого слова. Даже Томск, где студенты составляют около трети населения, так и не смог стать по-настоящему университетским городом. У местных жителей нет понимания, что они живут исключительно за счёт студентов.

Умный город

Недавно Самара подготовила проект стратегического развития на ближайшие десятилетия. Горожане поставили перед собой амбициозную цель — войти в клуб «бета»-городов. И хотя, по словам Александра Согомонова, это вряд ли достижимо, сам факт постановки столь высокой планки говорит о том, что город начал поиск своей идентичности и готов выстраивать всю городскую политику в соответствии с этим замыслом. Другой пример — Рязань. Администрация этого города подготовила несколько (!) планов стратегического развития, объясняя это тем, что в условиях непредсказуемости современного мира разумнее иметь запасные варианты. «Не верьте ни одному экономическому прогнозу. Мировой беспорядок — норма XXI века, — поддерживает рязанских политиков Александр Согомонов. — Умный город придумывает векторы развития и не зажимается на одной модели. Очень важно также, чтобы у нас была амбициозная цель и чтобы городское сообщество и власть говорили на одном языке. Тогда мы обязательно получим успешный город».

«Для людей в целом уровень проживания оценивается не уровнем доходов, а тем, где и как они живут, — отметил губернатор Красноярского края Лев КУЗНЕЦОВ. — Не везде люди

хотят жить, наоборот, чаще они чувствуют себя временщиками, не связывают своё будущее с будущим города. Если мы сможем ввести и поддерживать определённые стандарты качества проживания — это привлечёт к нам новых квалифицированных людей, в том числе и из других стран».

Сити-менеджеры

Подобный семинар — один из многих в программе «Школы управленческого резерва». За прошедшие месяцы участники школы не раз обсуждали вместе с федеральными и краевыми экспертами актуальные вопросы современной политики, экономики и общественной жизни. «Школа организована на очень высоком уровне, — говорит журналист Оксана КАЛИНИНА. — Это уникальная площадка для дискуссий успешных людей нашего края, которым есть чем поделиться. Более того, здесь мы постоянно общаемся со «звездами» мировой величины, которые владеют передовой информацией о том, что происходит в нашей стране. То, что обсуждается здесь сегодня, через 8-10 лет может стать реальностью, так что мы уже сейчас готовимся к этому будущему».

Подготовка к будущему началась уже на следующий день, когда Александр Согомонов провёл для участников Школы тренинг «Стратегическое мышление и поиск идентичности города». Московский эксперт описал процесс создания городского бренда, а также различные варианты развития территории. И как отметил Согомонов, хотя мир охвачен идеей постиндустриализации, нет ничего страшного в том, чтобы быть индустриальным гигантом, ведь кто-то должен заниматься добычей сырья и производством товаров.

По итогам двухдневной программы все представители управленческого резерва получили групповое домашнее задание. Теперь до декабря, следующей сессии школы, им предстоит разработать стратегии развития Красноярска, Железнодорожска, Сосновоборска и отдельных районов Красноярского края. Будем ли мы стремиться в мировые «клубы» или найдём собственную нишу — невозможно дать точный прогноз. Но, похоже, стоять на месте никто не собирается.

Кирилл АРСЕНЬЕВ

Фото — О. КУЗЬМИН



этом наблюдается определённая растерянность, ведь в отличие от Европы, где городская политика развивалась веками, мы в этом отношении очень неопытны, продолжаем мыслить федеральными масштабами. Однако московский аналитик уверяет, что не будет в стране общего публичного пространства, если не появится внутригородская политическая жизнь.

Согомонов делит современные российские города на две категории: поисковые и непоисковые. Красноярск он относит к ищущим городам, называя его лидером российской урбанистической жизни.

жизнь планеты. Сегодня, например, в группе «альфа» стоят такие мастодонты, как Нью-Йорк, Лондон, Гонконг, Париж, Токио, Шанхай, Москва и др. «Бета»-города — это Вашингтон, Мельбурн, Женева, Киев, Рио-де-Жанейро и др. Мировые города из группы «гамма» — Монреаль, Брисбан, Портленд, Рига, Санкт-Петербург и др. Все они — международные центры с устойчивой позицией и общепризнанной идентичностью на мировой арене.

Например, Нью-Йорк и Сингапур лидируют в сфере экономики, Вашингтон и Бангкок в политике, а Берлин и Цюрих

Новые способы спасения мира

Словами «кибернетика» и «интерферон» уже никого не удивишь. Но в тезаурусе современного человека постоянно появляется масса новых: мы все живём в мире симулякров и бромансов, смотрим спин-офф и любимся своим брик-а-браком. Кроме того, сегодня мы занимаемся деятельностью, которую обозначаем непонятными словами картинг, скейтинг, волонтерство... Последнее, правда, не так уж неорганично для России. Наверное поэтому проекты, реализуемые добровольцами, с каждым годом стремительно увеличиваются в своём количестве.

2001 год был объявлен годом добровольчества. Именно тогда прошла первая Весенняя неделя добра, в которой поучаствовало около ста тысяч волонтеров. Они проводили сборы гуманитарной помощи и организовывали концерты для различных групп населения. С тех пор прошло почти десять лет. За это время улучшились взаимодействия с властями, увеличился объём финансирования, да и мероприятия, проводимые общественными организациями, стали более разнообразными. Красноярск здесь не отстаёт от всей страны.

Немецкий с доставкой в школу

Смысл проекта «С немецким в будущее», который уже третий год успешно реализуется в Красноярске, очень прост: группа волонтеров из Немецкой автономии приходит в школу и делает интересный и интерактивный урок по немецкому для учеников вторых классов. За один такой урок ребятишки успевают выучить «волшебные слова», разыграть сценку по мотивам известных сказок и узнать, чем славятся самые знаменитые немецкие города.

Большое удивление у детей обычно вызывает то, что они знают уже некоторые немецкие слова и часто их используют: бутерброд, рюкзак, айсберг, фейерверк и другие. А знаменитую считалочку «Eins, zwei, Polizei, drei, vier, Offizier...» учил в детстве почти каждый.

Следующая стадия проекта — родительское собрание, на котором объясняются перспективы изучения именно немецкого языка. Здесь главным козырем выступает возможность участия детей в различных лингвистических лагерях, обменах и стажировках. И даже опыт современного «полиглотства» выступает в защиту немецкого: самый большой плюс его изучения в том, что немецкий, как первый язык, даётся детям намного легче, чем английский. А английский язык намного проще учить, если уже знаешь немецкий.

Зачем молодёжь занимается такими вещами? Это — самый популярный вопрос. Особенно

часто задают его, когда понимают, что в подобной работе нет никакой финансовой выгоды. Для российских немцев, проживающих в Красноярске, этот проект важен — в его рамках они могут заниматься тем, что им нравится — говорить по-немецки и о немецком.

Философия памяти

Проект «Мечты. Надежды. Время», реализованный в Красноярске школьными медиа-командами при поддержке ТО «Твори-Гора», по праву может номинироваться на самую трогательную инициативу года.

В течение четырёх месяцев (август — ноябрь) школьники — журналисты, фотографы и режиссёры — встречались с ветеранами Великой Отечественной войны, разговаривали и знакомились с ними и их жизненными историями, чтобы потом рассказать об этих замечательных людях на языке кино и фотографии. Получились замечательные, душевные и интересные истории о подполковниках, сержантах, капитанах, рядовых, медсёстрах.

Ребята, участники команд, ходили в гости к ветеранам не с пустыми руками. Видеокамеры, фотоаппараты и конфеты к чаю — вот стандартный набор. Все школьники, будущие медийщики, очень ответственно подошли к работе над проектом. Про каждого ветерана был снят и смонтирован документальный фильм с его воспоминаниями, грустными и весёлыми историями. Кроме того, ребята, с помощью профессиональных дизайнеров, журналистов и фотографов, подготовили открытки. 53 ветерана — 53 открытки — рассказ о жизни и смерти, любви и прощении.

Проект презентовался на Красноярской ярмарке книжной культуры в этом году. Туда были приглашены самые главные гости — ветераны. Школьники встречали их около «Сибири», провожали к фотовыставке открыток, расположенной в холле, а потом в конференц-зал, где показывали свои видеоработы. Каждому герою войны был подарен персональный набор, состоящий из 53 открыток.

Благодаря этому проекту встретились два поколения, ужасно далёких друг от друга: участники самой страшной войны последнего столетия и дети XXI века. Школьники в какой-то мере сами стали свидетелями тех подвигов, которые совершили ветераны. И поняли, что люди, которым сейчас 80-90 лет, могут рассказать не только о том, как воевать, но и о том, как жить после войны, строить свою жизнь с нуля и не жалеть ни об одной секунде.

Всем в деревню!

Молодёжный предпринимательский центр «Возрождение Сибири» пытается способствовать развитию села. А ещё одна цель, говорит директор и инициатор центра Тимур ЧАЛКИН, — возвращение почти утерянного сегодня образа сибиряка: надёжного, честного, мужественного, совестливого и свободного хозяина земли сибирской.

Катастрофическое положение сибирских деревень — результат особой «городской» политики по отношению к селу. Все ресурсы, полученные в деревне, направляются в город. И такая ситуация происходит во всех сферах. Наклон в сторону города сегодня настолько силён, что большинство даже не задумывается о том, чтобы жить в деревне. Начиная с 90-х годов с карты России исчезло около тридцати тысяч сёл и посёлков, а в половине оставшихся количество жителей не превышает двадцати человек. Участники проектов центра «Возрождение Сибири» считают, что очень скоро будет поздно менять разрушительные тенденции на созидательные. Поэтому нужны решительные, почти революционные действия, направленные на спасение села.

Проекты центра, созданного в 2009 году, реализуются в различных сферах. Например, создаются малые предприятия агробизнеса на базе современных технологий, через творческую деятельность молодёжь вовлекается в развитие сельских территорий. Сейчас коллектив центра трудится над проектом по созданию территории устойчивого развития села в Ирбейском районе Красноярского края. Предполагается организовать в сельской местности комплекс предприятий и производств, которые могли бы привлекать ресурсы в деревню. Первое село, которое подвергнется такому

экономическому, молодёжному и культурному апгрейду, — почти заброшенное село Минушка, в котором сейчас проживает всего 18 человек.

Начало сельской перестройки намечено на 2011 год. В это время в Минушке начнётся создание первых производств — по заготовке и переработке леса, по изготовлению строительных материалов. Следующий этап — создание в селе сельскохозяйственных мини-ферм разной направленности (кролики, пчёлы, овощи, ягоды). Для этого в помощь местным жителям приглашается молодёжь из районов и городов края. Дополнительно будет работать система семейного детского дома. Дети-сироты будут жить в семьях и помогать в работе на земле,

рые дела. Она решила организовать мастер-классы по вязанию рукавиц, которые впоследствии можно было бы подарить на Рождество детям противотуберкулёзного санатория «Пионерская речка». Дело в том, что большинство тамошних маленьких пациентов — сироты. У них нет мам и бабушек, которые научили бы их вязать. Директору санатория идея порадовать детей и устроить настоящее эстонское Рождество очень понравилась. Так и началась работа.

Сколько народной памяти хранит в себе обычная рукавица: в орнаментах мы можем видеть символы и легенды Эстонии. Цель проекта «Фестиваль рукавиц» — поделиться знаниями о вязании прибалтийских (эстонских, латвийских, литовских) узоров на рукавицах и носках, рассказать все секреты и хитрости по созданию «тёплых» подарков. Мастер-классы для всех желающих проходят в Краевой научной библиотеке каждую субботу в 15.00.

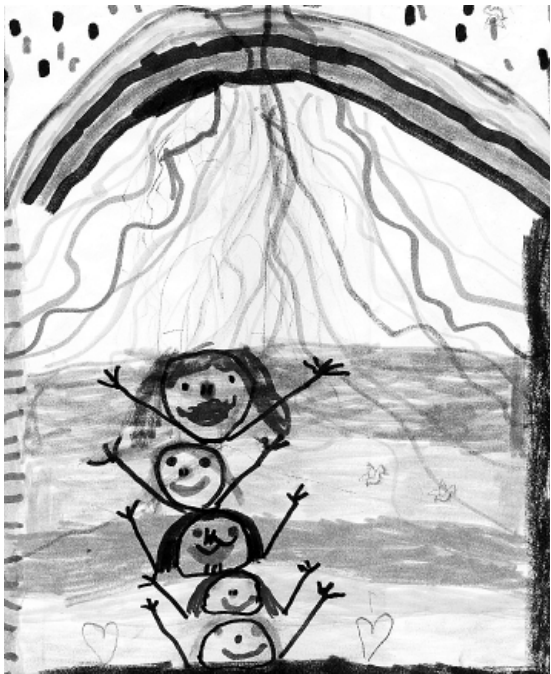
Вязание — это формирование художественного вкуса, развитие моторики, математики (попробуй-ка посчитай петли и высчитай орнамент) и арт-терапии.

Участница проекта Анастасия рассказывает: когда её родители познакомились, бабушка подарила будущему зятю рукавицы. Он до сих пор носит их, хотя прошло уже 25 лет; за весь этот долгий срок в них появилась только одна маленькая дырочка.

Особенные рукавицы есть и у Веры Алексеевны — ей их подарила мама, когда Вера училась на втором курсе. На этих рукавицах вышиты две эстонские поговорки: «Будь счастлива, моя дорогая!» и «Никогда не бойся холода».

Для того чтобы представить себе всю силу общественных инициатив, подумайте о Википедии. Десять лет назад основателя электронной энциклопедии Джимми Уэйлса считали сумасшедшим, который верил в то, что добровольцы всех стран смогут объединиться ради создания глобального собрания знаний человечества, просто с целью поделиться ими. Сегодня более 380 миллионов человек используют эту электронную энциклопедию каждый месяц — это треть из всех подключённых к Интернету. Википедия — очень хорошее доказательство того, что каждый из нас может изменить мир.

Ольга САВЧЕНКО



«Мир и радуга»
Рисунок Ники ЕФАНОВОЙ, 5 лет

тем самым проходя так необходимое им трудовую школу, социальную адаптацию и получая базовое профессиональное обучение. Кроме того, в Минушке будет создана агротуристическая зона и агротехнопарк для выполнения сервисной помощи предприятиям.

Может быть, сейчас весь этот проект очень похож на утопию. Но люди, которые готовы бороться со всеми трудностями и преодолевать препятствия ради того, чтобы на Руси всем жилось хорошо, — реально есть. И они очень нужны нашей стране и Сибири в частности.

Рукавицы для детей

Автор проекта Вера НИКОЛАЕВА-ОЙНЕТС, председатель общества эстонской национальной-культурной автономии, однажды поняла, что народное искусство способно творить доб-

МАЛЫЙ ЖАНР

Обычные люди и нормальный мужик

После разговора «Юры, музыканта» с премьером его ещё долго никуда не позовут. Договорился. И всё из-за гражданской позиции. Из-за неё же по данным следствия пострадал и Олег Кашин, резко и однозначно высказывающийся в блогосфере. Блогерам ответил Андрей МАКАРЕВИЧ. Правда, не по делу КАШИНА, а за резкие высказывания блоггеров в свой адрес по поводу организации встречи отечественных музыкантов — на этот раз с президентом.

Кстати, ставший в одночасье самым обсуждаемым человеком, журналист «Ъ» Олег Кашин на этой самой встрече МЕДВЕДЕВА с нашими рокерами присутствовал. После общения в «Ритм & блюз кафе» на роке-ро были вылиты ушатy грязи, а больше всех «умылся» организатор свидания Андрей Макаревич. Лидер «Машины времени» не растерялся и записал обращение к нерадивым завистникам, отреагировавшим на его затею как на акт чинопочитания и пошлейшего заискивания.

Студент Иван Гандонов
В отсутствие идей
Любил плевать с балконов
На головы людей.
Вот годы пролетели,
В балконах смысла нет.
Теперь для этой цели
Подходит Интернет.
И нас смелее нет!

Как несложно заметить из этого искромётного нравоучения, по мнению Андрея Вадимовича, люди, не разделяющие его убеждений и не понимающие необходимости данной встречи, — в основной массе своей молодые, лезущие на рожон, ничего не добившиеся маргиналы или попросту неудачники. В эту же категорию волею судеб и канцелярских обстоятельств попал и Юрий ШЕВЧУК, будь он неладен. На встречу его не пригласили. Во-первых, Макаревич, как оказалось, в друзьях лидера «ДДТ» никогда не держал. Во-вторых, как выразился экс-лидер «Агаты Кристи» Вадим САМОЙЛОВ, «Юрий Шевчук уже имел возможность пообщаться с руководством страны и сказал всё, что хотел». Другие тоже хотят, между прочим. Вот и собрались. «А почему нет Шевчука?» — обратились ГРЕБЕНЩИКОВ к президенту. Ответ вы уже знаете.

А ведь Шевчук, ставший в одночасье совестью нации, действительно, скорее всего, подпортил бы вечер. Зачем звать человека, интересующегося положением демократических институтов в России, свободой слова, судьбой оппозиционных сил? Встреча же планировалась неформальной, люди захотели пообщаться, отдохнуть, попить пиво, попеть песни. Так и произошло. Пиво, кстати, было безалкогольное, что стало отличной

метафорой последующих подмен понятий и передёргиваний. На неформальную встречу были созваны журналисты, мелькали десятки камер и фотоаппаратов, присутствовал первый заместитель руководителя администрации президента, в районе клуба образовались километровые многочасовые пробки — обычная неформальная встреча старых приятелей и фаната Деер Purple. Андрей Макаревич увидел в Дмитрие Анатольевиче не олицетворение власти, не функцию, а «абсолютно адекватного, интеллигентного, очень образованного, очень демократичного человека», Алексей КОРТНЕВ — «интересного собеседника», Сергей ГАЛАНИН — «настоящего патриота, который обо всём знает», Владимир ШАХРИН — «нормального мужика». Оттого на все вопросы журналистов о нескритичности тона и общей беззаботности разговора рокеры как один начинали оправдываться, что это был не официальный приём и не конференция. И вообще, зачем портить человеку настроение? Зачем вне работы говорить о работе? Вы думаете, президент знает меньше вашего? Но на тонкий лёд общественно-политических дискуссий вышел, как это ни странно, сам Андрей Вадимович, поблагодарив Медведева за внимание к проблеме Химкинского леса. «Я, признаться, не надеялся, что

в этом вопросе протестные акции что-то дадут...».

А вездесущий Шевчук, будь он уже проклят, и на акции протеста в защиту Химкинского леса был, и спел там. Но Макаревич расценил такой ход столь же неуместным, как и вопросы президенту о свободе и демократии.

Идеологическая девственность музыкантов легко конвертируется в их лояльность. Гражданская позиция — это в любом случае ответственность, а, значит, и головная боль, и возможность оказаться не у дел. Оно им надо? Собранные вместе — обычные люди, общающиеся с нормальными мужиками, — выражают симпатии человеку Медведеву, ведут себя раскованно и свободно. Вот это и есть свобода: некогда гонимые государством музыканты в современной России могут легко пообщаться с первым лицом страны, задать ему волнующие их вопросы и получить ответы; в этой стране хочется жить. Надо каждому заниматься своим делом.

И за библиотекой имени Ленина, совсем недалеко от Кремля, вечером 11 октября все были заняты своим делом: музыканты играли, официанты обслуживали, журналисты записывали, президент отвечал на вопросы. Прошёл месяц. По большому счёту ничего не изменилось: музыканты на гастролях, журналисты в редакциях, президент

на встречах. Вот только Олег Кашин в больнице. Это расстраивает и портит настроение. Судя по последним заявлениям Медведева, и его тоже. А зачем портить ему настроение? В стране нет других проблем? Вы ещё спросите, а почему нет Шевчука. Потому.

Потому и Макаревич не случайно брызнул ядом именно в блоггеров. Блогосфера, оперативно откликаясь на любые проявления цинизма и подлости, стала последней свободной площадкой для дискуссий, последним заметным местом выражения гражданской позиции через слово. А за неё, как в очередной раз показали следственные органы, в нашей стране можно пострадать. Выход? Уже придуман. Бизнес не лезет в политику, журналисты не раскаивают лодку, музыканты не высказывают общественной позицию. Ответственности — никакой. Это и есть безалкогольное пиво: вроде и выпил, а вроде и нет. Публичный человек, но без позиции; переживаешь за общество, но до личности дела нет; гордишься страной, но народ подвёл. Поэтому давайте договоримся, чтобы ни у вас, ни у меня не было проблем: статья написана, но вы её не читайте. Хорошо? Ну вот и славно. С вами приятно иметь дело.

Александр МОРСИН,
Томск

Невкусно что-то тут в культурном королевстве

Молодые красноярские интеллектуалы устали ждать приятных перемен в культурной жизни города и начали сами себе обеспечивать культурный досуг. И не только «много-много радости» другим культурно страждущим принесли, но и зачастую весьма преуспели, перейдя с рельсов романтического безвозмездного энтузиазма на рельсы честной (в смысле всё-толь же нужной, прежде всего, самим себе) культурной коммерции.

В общем, речь пойдёт о судьбе молодых творческих объединений города, возникающих, так сказать, «снизу», не по указке и не для программногo следования принятым на верхах культурным стратегиям. И, что приятно, число подобных объединений в последнее время увеличивается.

Описать все невозможно и нет смысла, поэтому хотелось бы рассказать о тех творческих объединениях, которые уже не раз «засветились» на культурных площадках города: культурных героев надо знать в лицо!

«**Фургон**» — творческое объединение культурных творцов разных мастей: журналисты, искусствоведы, даже юрист! Попробуем кратко описать то, чем занимается «Фургон»: показывают и слушают только редкое, сдувают пыль забвения с приятностей прошлого, вступают в союзы с художниками, дизайнерами, музыкантами и другими творческими активистами. Миссию своего существования видят в том, чтобы постоянно наполнять культурный контент в городе нетривиальными умными событиями и, тем самым, формировать культурное сообщество в Красноярске.

Объединение состоялось в процессе обучения по программе «Культурная журналистика», организуемой Фондом культурных инициатив Михаила ПРОХОРОВА и питерским Институтом «Проарте», где именитые критики-преподаватели (в частности театральный эксперт Дина ГОДЕР) доступно объяснили, что организовать альтернативные культурные площадки в городе, в общем-то, не так сложно. В итоге в основной состав «Фургона» вошли выпускники программы разных лет — Сергей МЕЗЕНОВ, кинокритик Интернет-газеты Newslab; Галина ПОПОВА, журналист; Оксана БУДУЛАК, искусствовед; Ирина БАХТИНА, театральный критик; Екатерина ЛЮБИМОВА, проектный менеджер, и Евгений ПОЛЕЖАЕВ, тот самый юрист.

Стимулом для создания сообщества стало желание делать такие культурные события, которые были бы интересны самим участникам: смотреть редкие неформатные для кинотеатров фильмы, устраивать очень культурные встречи в непредназначенных для этого пространствах (кафе, клубах и т.д.). Первый проект «Фургон» организовал в 2009 году — это был просмотр малоизвестных азиатских фильмов в чайной «Юрта» перед зданием Красноярского музейного центра. Второй проект до сих пор вспоминается всеми участниками — ностальгические вечера «Гагарин и Камасутра», где был организован просмотр старых диафильмов в кофейне «Трэвеллерс». Очень показательный проект для деятельности группы — найти такую приятность в прошлом, которую всем захотелось бы дружно пережить вновь, при этом в непредназначенном для подобных событий месте.

Постепенно группа начала расширять собственную жанровую систему. Например, объединившись с обществом plotina.net, фургоновцы приняли участие в культурно-экологическом проекте «Ангара — живая река», устроив акцию «Утопленница» в духе Кристо и Жан Клод, где для символического спасения реки замолоти статуя Ангари из композиции фонтана «Реки Сибири» вблизи театра оперы и балета. Кроме акций появились и перформансы. Так, на острове Отдыха на пикнике программы «Детали» хором непро-

фессиональных исполнителей был сыгран шедевр музыки XX века «4:33» Джона КЕЙДЖА под бдительным руководством дирижёра, который умело управлял тишиной. А на выставке «Начало пути» группа впервые попробовала себя в качестве художников, создав видео о русском духе «Птица-тройка».

Подобные порой просветительские, порой экспериментальные проекты привели к тому, что деятельность группы стала весьма востребованной в городе. Молодых людей начали приглашать в качестве организаторов специальных программ крупных мероприятий — для промоушена международного Канского видеофестиваля, в качестве кураторов музыкальной программы для Красноярской ярмарки книжной культуры и т.д. Теперь у «Фургона» появились большие шансы, что желания оригинально проводить время вместе так, чтобы всем было интересно и познавательно, превратится в профессиональную деятельность участников.

ти великих русских художников, которые отказались обучаться в Академии художеств и решили самостоятельно заниматься организацией выставок. Название «Невкусно» как раз стало реакцией на холодное академическое обучение в художественном училище, в результате чего более толерантные современные нонконформисты решили вести «двойную» жизнь: в одной верно копировали натуру, в другой делали концептуальные акции и инсталляции.

Понятное дело, что для любого художника самое главное событие — первая выставка. Выставку хотелось сделать опять же на местах, традиционно для культурных событий не предназначенных. И вот тут очень кстати к ним с предложением о выставке обратился ночной клуб «Эра». «Невкусно» не только подготовили выставку, но и провели масштабную пиар-акцию к её открытию, организовав арт-пикник на острове Отдыха с действительно невкусным чаем, выступлениями музыкантов,

«Невкусно» первыми создали прецедент синтеза художественной галерей («Взегуд») и ночного клуба (все той же «Эры»).

Никакой артикулированной социальной позиции у творческого объединения нет. Главное, что двигало сообществом, — желание хоть как-нибудь разнообразить серенькую и вялотекущую культурную жизнь Красноярска и личное желание не скатиться в область прикладного применения художественного образования, а реализоваться в качестве творцов.

ЛАД (Лаборатория архитектуры и дизайна): миссия — развитие профессионализма среди молодых архитекторов; повышение статуса архитектора, который сегодня зачастую выступает в качестве исполнителя технических заказов, изменяя творческой стороне профессии.

ЛАД был организован в 2007 году инициативными шестикурсниками архитектурного факультета тогда ещё КрасГАСА, которые — опять повторяется ситуация с недовольством консервативностью образования — поняли, что если только учиться, невозможно стать современным конкурентоспособным профессионалом. То есть, с одной стороны, объединение архитекторов возникло в пику сухости учебного процесса. С другой стороны, студенты использовали зарубежный опыт ровесников и пришли к пониманию, что создание творческих молодёжных профессиональных объединений — это естественный процесс, в котором и появляется что-то новое.

«ЛАДить» начали с того, что сами шестикурсники (Артём БЕГИШЕВ, Ирина ПОЗДНЯКОВА, Лариса АКИМЕНКО, Яна ВИКТОРОВА, Алексей ШИШКИН, Александр ОСАДЧИЙ) стали проводить лекции, семинары по современной архитектуре. Вначале творческое сообщество специально отстранилось от «взрослых» профессионалов — никого не приглашали на свои собрания, чтобы обрести собственные профессиональные установки. (Сейчас состав ЛАДА значительно изменился. На данный момент лаборатория меняет формат своей деятельности, в частности, начинает процесс сотрудничества с профессиональными архитектурными бюро города.)



чением стихов, раскрашиванием лиц и т.д.

После первой выставки молодые художники стали постоянными участниками и создателями культурных событий: ездили в Дивногорск с трёхдневной арт-, поэтической и музыкальной программой, пытались заниматься современным передвижным искусством (но город довольно холодно отнёсся к программе, и дальнейшее продвижение культуры в массы пришлось на время отложить). В Красноярске художники были замечены в качестве организаторов многих перформансов (Алексей Мартинс пирил «Арт-сессию», завтракая котлетой в утренней телевизионной программе; на перформансе «Патриот» группа с лопатами защищала матрёшку «Родину-мать» Василия СЛОНОВА), объединялись с «Фургоном» для атмосферного оформления кинопоказов нуара «Дело о мансарде» в стиле детективного расследования с запрещающими лентами, пластиковыми пакетами для улик и т.д.

Одним из лучших проектов объединения была выставка в деревянном доме под снос «Марьян-Машинариум», где художники продолжили традицию голландки Марьян ТИУВЕН и преобразовали дом инсталляциями, граффити, поэтическими перформансами перед его скорым разрушением. Кроме того,

которая для нашей Родины до сих пор является «звездой», набила там оскомину. Для примера называют бюро Рема КОЛХАСА.

Социальная позиция: сообщество настроено менять архитектурную среду города Красноярска в лучшую сторону, и самая главная задача среди прочих — популяризировать здесь современные архитектурные подходы к решению городской среды.

«**Юнг**» — товарищеское объединение поэтов, которым иногда безразлична судьба одиноких и скромных коллег, пишущих в стол. Состав: Артур МАТВЕЕВ, Василий ПРОКУШЕВ. Название расшифровывается как «юный гений» или как кличка kota одного из поэтов, названного в честь именитого ученика Зигмунда ФРЕЙДА. Сообщество не гнушается любыми видами творческой работы: пишут стихи, сценарии, пьесы, рекламные слоганы, поздравления, снимают видео для себя, для друзей, на заказ. Дискредитируют представление о поэте, парящем в эмпиреях и чужающемся всего земного, — «Юнг» никогда не против обеспечить себя доходом от собственного творчества. Неоднократно были замечены на культурных мероприятиях в стихосложении, облачающем современные социальные проблемы или остро сатирического характера.

Одна из заслуг команды — организация поэтического слэма в Красноярске в 2008–2009 годах. Друзья-поэты опять-таки решили немного расшевелить жизнь Красноярска. Известно, что поэты отличаются страшной скромностью, поэтому «Юнг», призрев благостную площадку в центре города — «Дом кино», решил позвать всех поделиться творческими достижениями. «Юные гении» подумали, что, возможно, в городе бродит куча неприкаянных поэтов, которые вдруг да и пишут что-то мудрое и вечное, но никому об этом не рассказывают. Даже была такая надежда, что найдутся в нашем городе рембо и верлены. Сначала поэтический слэм проводили на общественных началах — скидывались победителю, кто сколько может. Потом проект был поддержан Фондом Михаила Прохорова, и у поэтов появилась возможность побороться за действительно солидные призы. Сейчас поэтический слэм завершился, так как «Юнг» категорически против любых форм stagнации, консервации и прочей затхлости в культурной среде.

Сегодня «Юнг» работает над кратким поэтическим видеокурсом по истории России: своеобразным ликбезом о российских правителях в стихотворной форме. Для справки: оба поэта закончили исторические факультеты.

Миссия сообщества: за честность и против эстетики.

На вопрос о том, должна ли быть социальная позиция у культурного сообщества, Артур Матвеев ответил следующее: если сообщество позиционирует себя как спасители мира, а сами даже бабушку через дорогу перевести не могут, то грош цена такой социальной позиции; а если сообщество позиционирует себя хоть морковкой и беспокоится о судьбе брошенного щенка — то пусть именуется хоть морковкой, но это честное и хорошее объединение.

До написания этой статьи у меня было устойчивое представление, что в культуре Красноярска мало светлого, доброго, рождённого по инициативе небезразличной молодёжи. В итоге я обнаружила в городе достаточное количество людей, творящих культурные события. Прежде всего, успешно продвигаются те, кто делает что-то интересное для самих себя, а аудитория, так или иначе, формируется вокруг.

В конце концов, нельзя не заметить, что в Красноярске уже случилось время толерантного нонконформизма, который, как ему и следует, возник в пику традиционной культуре: академизму в живописи, схоластики в образовании, «попсовости» большинства культурных мероприятий...

Александра СЕМЁНОВА